К. БАЛЬМОНТЪ.

ЛИТУРГІЯ КРАСОТЫ.

СТИХІЙНЫЕ ГИМНЫ.

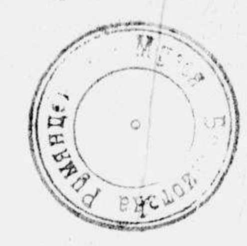
Вся Земля—моя, и мнѣ дано пройти по ней.

Аполлоній Тіанскій.

К-во „ГРИФЪ".
МОСКВА.
1905.

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Петровка, Салтыковскій пер., д. Т—ва.
1905.

ПРАЗДНИКЪ СЕРДЦА.

Cada mañana hallarás, alma mía, á la puerta de tu casa á todo el universo.

Diego de Estella.

Каждое утро, душа, ты найдешь у двери своего дома весь міръ.

Діэго де Эстелья.

Мой завѣтъ.

Я не устану быть живымъ,
Ручей поетъ, я вѣчно съ нимъ,
Заря горитъ, она—во мнѣ,
Я въ вѣчно-творческомъ Огнѣ.

Затянутъ въ свѣтъ чужихъ очей,
Я--въ нѣжномъ золотѣ лучей,
Но вдругъ измѣнится игра,
И нѣжитъ лунность серебра.

А Ночь придетъ, а Ночь темна,—
Въ душѣ есть свѣтлая страна,
И вѣченъ свѣточъ золотой
Въ странѣ, зовущейся Мечтой.

Мечта рождаетъ Красоту,
Изъ нѣжныхъ словъ я ткань плету,
Листокъ восходитъ въ лепестокъ,
Изъ легкихъ строкъ глядитъ цвѣтокъ.

Мгновеній свѣтлый водопадъ
Нисходитъ въ мой цвѣтущій садъ,
Живите жь всѣ, любите сонъ,—
Прекрасенъ онъ, кто въ Жизнь влюбленъ.

Три страны.

Строить зданья, быть въ гаремѣ, выходить на львовъ,
Превращать царей сосѣднихъ въ собственныхъ рабовъ,
Опьяняться повтореньемъ яркой буквой *я*,—
Вотъ, Ассирія, дорога истинно твоя.

Превратить народъ могучій въ восходящесть плитъ,
Быть создателемъ загадокъ, сфинксомъ Пирамидъ,
И, достигши граней въ тайнахъ, обратиться въ пыль,—
О, Египетъ, эту сказку ты явилъ какъ быль.

Міръ опутать свѣтлой тканью мыслей-паутинъ,
Слить душой жужжанье мошки съ грохотомъ лавинъ,
Въ лабиринтахъ быть какъ дома, все понять, принять,—
Свѣтъ мой, Индія, святыня, дѣвственная мать.

Много есть еще созданій въ мірѣ Бытія,
Но прекрасна только слитность разныхъ *ты* и *я*,
Много есть еще мечтаній, сладко жить въ бреду,—
Но, уставши, лишь къ родимой, только къ ней приду.

Самоутвержденіе.

Я знаю, что Брама умнѣе, чѣмъ всѣ безконечно-имянные боги.
Но Брама—Индіецъ, а я—Славянинъ. Совпадаютъ ли наши дороги?
О, Брама—Индіецъ, а я—Скандинавъ, а я—Мексиканецъ жестокій,
Я—Эллинъ влюбленный, я—вольный Арабъ, я—жадный, безумный, стоокій.

Я—жадный, и жить я хочу безъ конца, не могу я насытиться лаской.
Не разумъ люблю я, а сердце свое, я плѣненъ многозвучною сказкой.
Всѣ краски люблю я, и свѣтъ Бѣлизны не есть для меня завершенье.
Люблю я и самые темные сны, и алый цвѣтокъ преступленья.

Оранжевый, желтый, и красный огонь мнѣ желаненъ, какъ взоръ темносиній.
Не знаю, что̀ лучше: снѣга ли вершинъ или вихри надъ желтой пустыней.

И стебель зеленый съ душистымъ цвѣткомъ—прекрасенъ, прекрасна минута.
Не странно ли было бъ цвѣтку объявить, что онъ только средство къ чему-то.

И если ты викинга счастья лишишь—въ самомъ царствѣ Валгаллы рубиться,
Онъ скажетъ, что Небо бѣднѣе Земли, изъ Валгаллы онъ прочь удалится.
И если пѣвцу изъ Славянской страны ты скажешь, что умъ есть мѣрило,
Со смѣхомъ онъ молвитъ, что сладко вино, и пѣсни во славу Ярила.

Къ Славянамъ.

Славяне, вамъ свѣтлая слава,
За то, что вы сердцемъ открыты,
Веселымъ младенчествомъ нрава
Съ природой весеннею слиты.

Къ любому легко подойдете,
Съ любымъ вы смѣетесь какъ съ братомъ,
И все, что чужого возьмете,
Вы топите въ морѣ богатомъ.

Враждуя съ врагомъ поневолѣ,
Сейчасъ помириться готовы,
Но, если на бранномъ вы полѣ,
Вы тверды и молча суровы.

И снова мечтой расцвѣчаясь,
Вы—гдѣ-то, забывши объ узкомъ,
И свѣтятъ созвѣздья, качаясь,
Въ сознанiи польскомъ и русскомъ.

Звеня, разбиваются цѣпи,
Шумитъ, зеленѣя, дубрава,
Славянскiя души—какъ степи,
Славяне, вамъ свѣтлая слава!

Колибри.

Тіуй!—Идемъ!

Мексиканское слово.

Колибри, птичка-мушка, безстрашная, хоть малая,
Которой властью Солнца нарядъ цвѣтистый данъ,
Рубиновая фея, лазурная, и алая,
Сманила смѣлыхъ бросить родимый ихъ Ацтланъ.

Веселымъ пышнымъ утромъ, когда Весна багряная
Роститъ цвѣты, какъ солнца, какъ луны, межь вѣтвей,
Летунья щебетнула: „Тіуй, тіуй,“—румяная,
Какъ бы цвѣточно-пьяная,—„Тіуй,—идемъ, скорѣй!“

Въ тотъ мигъ жрецы молились, и пѣніе жемчужное
Лазурно-алой феи услышали они,
Пошелъ народъ безстрашный, все дальше, въ царство южное,
И красной лентой крови свои обвилъ онъ дни.

И Мексика возникла, видѣнье вдохновенное,
Страна цвѣтовъ и Солнца и плясокъ и стиховъ,
Безжалостность и нѣжность, для грезы—сердце плѣнное,
Сынъ Бога—жертва Богу, земной—среди боговъ.

Дабы въ Чертогахъ Солнца избранникъ зналъ забвеніе,
Ему исторгнутъ сердце агатовымъ ножомъ:—
Разбей земныя лютни, забудь напѣвъ мгновенія,
Тамъ въ Небѣ—Дѣвы Солнца, Богъ Семицвѣтникъ въ немъ.

Богиня Бѣлой Жатвы, Богиня Звѣздотканности,
Богъ Пламя, Богъ Зеркальность, Богиня Сердце Горъ...
Колибри, птичка-мушка, въ безжизненной туманности
Ты сердце научила знать красочный узоръ!

Йони-Лингамъ.

Напряженно-могучій Лингамъ,
Воспріимчиво-влажная Йони,
Эта пѣсня лелѣйная—вамъ,
Жизнь и свѣтъ на нѣмомъ небосклонѣ,
Завлекательно-жадная Йони,
Безъистомно-горячій Лингамъ.

Вы—отрада звѣрямъ и богамъ,
Вы—завѣтная радость людская,
Вы дарите гирлянды вѣкамъ,
И родятся созвѣздья, сверкая,
Жизнь—все та же, и вѣчно—другая,
Нераздѣльны въ ней Йони-Лингамъ.

Вы подобны пьянящимъ цвѣткамъ,
Вы ростете въ далекомъ Тибетѣ,
Вы влечете къ чужимъ берегамъ,
Это вы—Афродита въ расцвѣтѣ,
Адонисъ въ упоительномъ лѣтѣ,
И Милитта, о, Йони-Лингамъ.

Вы подобны безсмертнымъ цвѣткамъ,
Вы свѣтло зажигаете взоры,
И Венера идетъ по волнамъ,
Будитъ Панъ задремавшія горы,
И въ зеленыхъ пещерахъ Эллоры
Обнимаются Йони-Лингамъ.

И Изида—добыча мечтамъ,
И въ Истаръ загорѣлись порывы,
Стонъ идетъ по холмамъ и лѣсамъ,
И глаза такъ безумно-красивы
У него, андрогиннаго Сивы,
Сочетавшаго Йони-Лингамъ.

И нѣтъ предѣловъ.

Ты создалъ мыслію своей
Боговъ, героевъ, и людей,
Зажегъ несчетности свѣтилъ,
И ихъ звѣрями населилъ.

Отъ края къ краю—зовъ зарницъ,
И вольны въ высяхъ крылья птицъ,
И звонко пѣнье вешнихъ струй,
И сладко-влаженъ поцѣлуй.

А Смерть возникнетъ въ свой чередъ,—
Кто выйдетъ здѣсь, тотъ тамъ войдетъ,
У Жизни множество дверей,
И Жизнь стремится все быстрѣй.

Всѣ звѣри въ страсти горячи,
И Солнце жарко льетъ лучи,
И нѣтъ предѣловъ для страстей
Боговъ, героевъ, и людей.

Призывъ.

Братья, посмотрите ясно,
Скорбь о невнятномъ безплодна,
Дѣвушки, утро прекрасно,
Женщина, будь же свободна.

Что̀ намъ скитаться по мыслямъ,
Что̀ намъ блуждать по идеямъ?
Мы Красоту не исчислимъ,
Жизнь разгадать не сумѣемъ.

Пусть. Намъ разсудокъ не нуженъ,—
Чувства горятъ необманно,
Нить зыбкоцвѣтныхъ жемчужинъ
Безъ объясненій желанна.

Эти воздушныя нити,
Братья, смотрите, повсюду,
Дѣвушки, вы полюбите,
Радостно ввѣриться чуду.

Вино минутъ.

„Охраняй врата всѣхъ чувствъ"—завѣтъ Готамы.
„Умертви себя—ты внидешь въ царство Брамы".
Но раскрылъ я всѣ закрытыя врата.
Мнѣ желанна боль, и съ болью—Красота.
И въ раскрытости, въ разорванности чувства
Дышутъ бури, свѣтятъ молніи Искусства,
Смѣхъ и пляски, красный цвѣтъ и тамъ и тутъ,
Страхъ развязки, звукъ рыданій, звонъ минутъ.

„Бойся жизни"—намъ грозитъ иное слово.
Говорятъ мнѣ:—„Въ томъ велѣніе Христово".
О, неправда! Это голосъ не Христа,
Нѣтъ, въ Христѣ была живая Красота.
Онъ любилъ, Онъ Вѣчность влилъ въ одно мгновенье,
Далъ намъ хлѣбъ, и далъ вино, и далъ забвенье,
Боль украсилъ, Смерть убилъ, призвавъ на судъ.
Будемъ жить, и будемъ пить вино минутъ!

Весна.

Вотъ и бѣлыя березы,
Развернувъ свои листы,
Подъ дождемъ роняютъ слезы
Освѣженной красоты.

Дождь идетъ, а Солнце свѣтитъ,
Травы нѣжныя блестятъ,
Эту нѣжность ихъ замѣтитъ,
И запомнитъ зоркій взглядъ.

Видя радость единенья
Солнца, влаги, и стеблей,
Духъ твой будетъ какъ растенье,
Взоръ засвѣтится свѣтлѣй.

И войдетъ въ твои мечтанья
Свѣжесть пышной новизны.
Это—счастіе, свиданье,
Праздникъ Солнца и Весны!

Растеніе.

Зародышъ, въ маломъ видѣ, есть полное растенье,
Въ немъ корень, стебель, листья возможно различить,
Едва замѣтно сѣмя, но жажда наслажденья
Зеленую, изъ мрака, исторгнетъ къ свѣту нить.

Корень внизъ ростетъ, а стебель кверху убѣгаетъ.
Но различность устремленья развѣ расторгаетъ?
Если бъ не было дѣленья этихъ двухъ стремленій,
Мы не знали бы цвѣтенья красочныхъ растеній.

Главный корень—вѣчно внизъ,
А другіе—всюду,
Вправо, влѣво расползлись,
Выше, ниже, но впились
Въ почвенную груду,—
Въ эту толщу, гдѣ они
Слышатъ ночь, и слышатъ дни,
И донынѣ искони
Все стремятся къ Чуду.
Проростаютъ каждый часъ,

И совсѣмъ не тяготясь
Тьмою и неволей,
Кормятъ верхніе листки,—
И довольны долей
Корневые волоски,
Чрезъ которые ростки
Пьютъ растворы солей,
Капли влаги жадно пьютъ,
И для зрѣнья создаютъ
Пышный цвѣтъ магнолій.

Но корни есть также иные,
Воздушные корни бываютъ, не только земные,
И корни есть также, что тянутся смѣло въ водѣ.
Въ Природѣ царитъ разновидность вездѣ.
Различны узоры рѣзные
Листовъ и травинокъ, что дышутъ, ища.
Воздушные корни плюща
Впиваются въ камни стѣнные,
А корни пшеницы, вѣтвистой семьей,
Блаженствуютъ мирно въ землѣ полевой,
И вольно растенья другія
Плодятся, качаясь во влагѣ живой.

Но такъ иль иначе, а стебель прямой,
Иль стебель изогнутый, листья лелѣетъ,
И тайная греза растенья, весной,
Иль пламеннымъ лѣтомъ,

Алѣетъ,
Вѣнчаясь невѣстой со свѣтомъ,
Обручаясь съ воздушною теплой волной,
Золотится цвѣтокъ, голубѣетъ,
Многоцвѣтностью млѣетъ,
Ощущенья свои разстилаетъ цвѣтной пеленой,—
Въ каждомъ мѣстѣ иномъ освѣженно-иныя,
О, цвѣты, о, соцвѣтья земныя!

Да, есть созвѣздья,—есть соцвѣтія,
Есть развѣтвленія стеблей.
Прекрасенъ праздникъ однолѣтія,
Когда роскошныя соцвѣтія
Роятся въ пышности своей.
На стержнѣ колосъ получается,
На немъ сидячіе цвѣтки,
Цвѣточки нѣжные качаются,
Дыханьемъ въ воздухѣ встрѣчаются,—
Просторы свѣта широки.
У злаковъ, полныхъ мудрой сложности,
Взамѣнъ цвѣточковъ—колоски,
Восторгъ исчерпанной возможности;
У незабудки—знакъ неложности—
Въ односторонность завитки.
Ростутъ различности безгласныя;
Какъ фей нѣмые корабли,
Подъ вѣтромъ зыблются, согласныя,
Съ волны къ волнѣ блестятъ, прекрасныя,

Вотъ тутъ, вонъ тамъ, вблизи, вдали.
О, свѣтомъ, воздухомъ вспоенныя,
И всѣмъ, что въ почвѣ взять могли,
Живыя мысли, въ жизнь влюбленныя,
Соцвѣтья, дружествомъ скрѣпленныя,
Созвѣздья зиждущей Земли!

Темному брату.

Не вѣрь, мой темный братъ,
Внушеніямъ вражды.
Созвѣздія горятъ,
Взгляни, о, сынъ Звѣзды.

Мы—дѣти яркихъ звѣздъ,
Мы въ нихъ вовлечены.
Намъ къ нимъ сплетаютъ мостъ
Узывчивые сны.

Не помни, позабудь
О томъ, что̀ сдѣлалъ злой.
Ты самъ чужую грудь
Не разъ пронзилъ стрѣлой.

Лишь помни мой намекъ,
Завѣтъ цвѣтовъ: Гори.
Смотри, любой цвѣтокъ
Раскрылся—изнутри.

Когда ты помнишь зло,
Ты дѣлаешься зломъ.
И ты глядишь свѣтло,
Лелѣя свѣтъ умомъ.

Ты создалъ самъ свой ликъ,
Все можно измѣнить.
Вотъ, въ этотъ самый мигъ
Идетъ изъ свѣта нить.

Возьми ее скорѣй,
Сплети себѣ покровъ
Изъ ласковыхъ лучей
И самыхъ нѣжныхъ словъ.

И встрѣтимъ праздникъ звѣздъ,
Онъ каждый мигъ насъ ждетъ.
Отъ звѣздъ лучистый мостъ
До сердца къ намъ идетъ.

Быть утромъ.

Тотъ, кто хочетъ, чтобы тѣни, ускользая, пропадали,
Кто не хочетъ повтореній, и безцѣльностей печали,
Долженъ властною рукою безполезность бросить прочь,
Долженъ сбросить то, что давитъ, долженъ самъ себѣ помочь.

Міръ—бездонность, ты—бездонность, въ этомъ свойствѣ вы едины,
Только глянь орлинымъ окомъ,—ты достигнешь до вершины.
Міръ есть пропасть, ты есть пропасть, въ этомъ свойствѣ вы сошлись,
Только вздумай подчиниться,—упадешь глубоко внизъ.

О, глубоко видитъ око! О, высоко ходятъ тучи!
Выше тучъ и глубже взоровъ свѣтъ сознанія могучій.
Лишь пойми, скажи—и будетъ. Захоти сейчасъ, сейчасъ,—
Будешь свѣтлымъ, будешь сильнымъ, будешь утромъ, въ первый разъ!

Солнце—красное. ?

Солнце—красное, сказалъ мнѣ мой родной народъ,
И о вольномъ красномъ Солнцѣ сердце мнѣ поетъ.

Такъ до боли, въ жаждѣ воли, все стучитъ, звучитъ,
Звукъ біенья—пѣснопѣнье, чувство не молчитъ.

Сердце, слышу. Мы сложили много звонкихъ строкъ,
Югъ и Сѣверъ мы воспѣли, Западъ и Востокъ.

Мы съ тобой взростили, сердце, красные цвѣты,
Я мечталъ—и страстной краской въ грезахъ билось ты.

Ни себя ты не жалѣло, ни другихъ порой,
Но подъ Солнцемъ ты алѣло, самъ я былъ не свой.

Мы съ тобой не сомнѣвались—о, ни въ комъ, ни въ чемъ,
Мы пьянѣли, опьянялись—солнечнымъ лучомъ.

Мы взростили много смѣлыхъ яркихъ лепестковъ,
Мы учили жгучей силѣ, власти гордыхъ сновъ.

Сердце—вольно, Солнце—красно, міръ согласенъ весь,
Тамъ, далеко, свѣтъ зажжется, разъ ты свѣтелъ здѣсь.

Юность, юность, будь же юной, вспыхни, пожелай,
Каждый мигъ—начало, воля, вѣчный скрытый Май.

Не напрасно же раскрылъ я въ пѣньи звонкихъ строкъ
Тайну сердца—алость крови—солнечный цвѣтокъ.

Вѣтеръ.

Я вольный вѣтеръ, я вѣчно вѣю.
К. Бальмонтъ.

Съ визгомъ, присвистомъ напѣвнымъ,
Вѣетъ, мечется, гудитъ.
Ю. Балтрушайтисъ.

Гордый Юргисъ, ты похитилъ Вѣтеръ, Вѣтеръ у меня,
Ты подслушалъ и разслышалъ, какъ онъ шепчетъ, насъ дразня,
Какъ свиститъ и шелеститъ онъ возлѣ дрогнувшей листвы,
Возростаетъ, отвѣчая завываніямъ совы.

Вдругъ притихнетъ, и забьется вкругъ единаго листка,
Надъ осиной вьется, вьется, дышетъ струйка вѣтерка,
Чуть трепещетъ, лунно блещетъ зачарованный листокъ,
И воздушенъ, и послушенъ, заколдованъ вѣтерокъ.

Только слушаетъ, какъ дышетъ шаткій листъ среди
осинъ,
Между самыхъ, самыхъ чуткихъ, на одной, всего одинъ,
Листъ сорвался, покачнулся, и умчался далеко,
Вѣтерокъ имъ насладился, бросилъ, дальше, какъ легко.

Вѣетъ, млѣетъ, цѣпенѣетъ, страннымъ шорохомъ въ
соснѣ,
Зашуршитъ на сучьяхъ старыхъ, страшно травамъ въ
тайномъ снѣ.
Надъ сѣдыми пустырями зашепталъ онъ какъ колдунъ,
Вотъ затрессся, и понесся, хохотъ, стоны, звоны струнъ.

Вспышки свѣтовъ. Двухъ поэтовъ, блѣдныхъ скальдовъ,
онъ нашелъ,
Очертанья всѣхъ предметовъ измѣнилъ, и обошелъ.
Шопотъ Вѣтра гордымъ вѣдомъ, вѣщій Вѣтеръ близокъ
имъ,
За зловѣщимъ, тайнымъ слѣдомъ, мы идемъ, и мы слѣ-
димъ.

То мы вмѣстѣ, то мы порознь, затаимся межъ кустовъ,
Братъ—соперникъ, врагъ—помощникъ, два волхва со-
звучныхъ сновъ.
Вѣтеръ съ нами, онъ землею, небесами насъ ведетъ,
Къ одному, смѣясь, приникнетъ, свиснетъ, крикнетъ—
и впередъ.

Не всегда жь мнѣ быть съ тобою, если властенъ и другой,
Звонки хвои въ лѣтнемъ зноѣ—звонко-влаженъ валъ
морской.
Въ смерти, въ жизни—я въ отчизнѣ, дальше, дальше,
мигъ не ждетъ,
Тотъ же дважды я не буду: больше, меньше,—но впе-
редъ.

Талисманъ.

Знать, хотѣть, смѣть, и молчать.
El Ktab.

Знать, хотѣть, молчать, и смѣть—завѣщалъ Арабъ.
Знай, молчи, желай, и смѣй, если ты не слабъ.

Если жь слабъ, я говорю вовсе не съ тобой,
Уходи, не прерывай сонъ мой голубой.

Сонъ мой алый, золотой, сонъ мой всѣхъ тоновъ,
Чьей усладой каждый мигъ такъ цвѣтисто-новъ.

Вижу утро, вижу садъ, каждый лепестокъ,
Розы губъ, воздушный цвѣтъ бѣлыхъ рукъ и ногъ.

Розы губъ, и губы розъ, нѣжныя какъ стихъ,
Опьяняющій намекъ раковинъ нѣмыхъ.

Звонъ струны, сплетенья струнъ, звонкій водоемъ,
Тѣло къ тѣлу, взоръ во взоръ, сладко быть вдвоемъ.

Разъ ты властенъ, чтобъ другой дрогнулъ, поблѣднѣвъ,
Знай, что вложенъ въ разумъ твой вкрадчивый напѣвъ.

Разъ хотѣть умѣешь ты, научись молчать,
Взоръ безгласный—для души—прочная печать.

Разъ цвѣтокъ къ тебѣ глядитъ, ласки ждетъ твоей,
Наклонись къ нему нѣжнѣй, смѣлымъ быть умѣй.

Но, любя, не торопи розовой зари,
Дай раскрыться лепесткамъ, медленно гори.

Изъ познавшихъ новый день мудрымъ будетъ тотъ,
Кто увидитъ—мрака въ свѣтъ полный переходъ.

Вѣнчикъ нѣжный обожай, о, счастливецъ ты,
Видишь, дышутъ предъ тобой яркіе цвѣты.

Сада пышнаго теперь сталъ ты властелинъ,
Гдѣ пьянѣютъ гроздья розъ, мускусъ, и жасминъ.

Знать, хотѣть, молчать, и смѣть—радостный завѣтъ,
Этотъ свѣтлый талисманъ далъ намъ Магометъ.

Помни, самъ Пророкъ сказалъ, бросивъ лучъ въ мечты:
„Въ этомъ мірѣ я люблю—женщинъ и цвѣты.“

Живи.

„Живи одинъ“, мнѣ Мысль сказала,
„Звѣзда Небесъ всегда одна,
Забудь восторгъ, начни сначала,
Дорога скорби—суждена.“

„О, нѣтъ,“ шепнуло ей Мечтанье,
„Звѣзда—одна, одинъ—цвѣтокъ,
Но ихъ дыханья и сіянья
Проходятъ множествомъ дорогъ.“

И вѣчно-юное Стремленье
Прервало ихъ неравный споръ.
Взялъ лютню я,—и волны пѣнья,
Звеня, наполнили просторъ.

КРУЖЕВНЫЕ УЗОРЫ.

Ipsa jussit mane totae virgines nubant rosae.

Pervigilium Veneris.

Воля Венеры — чтобъ утромъ вѣнчались всѣ дѣвушки съ розами.

Латинскій стихъ.

Юная дѣвушка.

Милая юная дѣвушка, съ глазами какъ сказка прекрасными,
Какъ сказка, которую въ дѣтствѣ читалъ,
Съ глазами, гдѣ небо воздушное зарницами свѣтитъ неясными,
Ты видишь, ты знаешь: мы близки, тебя я мечтаньемъ ждалъ.

И строки съ напѣвностью зыбкой, мои слова торопливыя,
Прерывисты, дѣвушка милая, оттого, что, дрожа и звеня,
Они навстрѣчу спѣшатъ къ тебѣ, и шепчутъ, счастливо-стыдливыя:
„О, сказка, я *вижу*, я *слышу! Ты* видишь, *ты* слышишь меня?“

Влюбленность.

Она была въ кого-то влюблена.
Дышалъ Апрѣль. И зелень молодая
Была свѣтло-дѣвически-нѣжна.

Узорность облачковъ, воздушно тая,
Въ лазури утопала, какъ мечты,
Сирень пьянила воздухъ, расцвѣтая.

И дѣвушка, въ расцвѣтѣ красоты,
На утрѣ дней, смотря прозрачнымъ взоромъ,
Преображала всѣ свои черты.

Душа свѣтилась свадебнымъ уборомъ,
И нѣжная все дѣлалась нѣжнѣй,
Влюбленность облекала легкимъ флеромъ.

О, дѣвушка, ты въ свѣтлой зыби дней,
Средь водъ, гдѣ волны только закипаютъ,
Баюкаютъ мельканіемъ огней.

И пусть мечты съ другимъ тебя сливаютъ,
Пусть я тебѣ далекій и чужой,
Мои слова твой сонъ не прерываютъ.

Къ твоей душѣ я льну своей душой,
Съ тобой я слитъ, какъ лучъ съ лучомъ, согласный,
Какъ свѣтъ въ волнѣ, я нѣжно, вольно твой.

Люблю тебя, люблю, мой сонъ прекрасный!

Греза.

Мнѣ грустно, Поэтъ. Ты пойми: не весталка я,
И нѣтъ, не русалка я, лунно-холодная.
Я только любовница, блѣдная, жалкая,
Я—греза Поэта, я—въ мірѣ безродная.

Меня ты поманишь, капризный, но вкрадчивый,
Я тотчасъ къ тебѣ изъ-за Моря спѣшу,
Стараюсь быть кроткой, послушной, угадчивой,
Тобою однимъ и свѣчусь, и дышу.

Глазами въ глаза проникаю бездонные,
Любви ты захочешь,—цѣлую тебя,
Какъ жемчугъ, сплетаю созвучья влюбленныя,
Устанешь,—страдаю, и таю, любя.

Захочешь,—съ тобой я, захочешь,—далеко я,
Все, все, что ты хочешь, тебѣ отдаю,
Но только съ тобой—я всегда одинокая,
И я безъ тебя—одиноко пою.

Ты нѣженъ, Поэтъ, ты съ душою воздушною,
Но нѣтъ мнѣ сліянія даже съ тобой,
Понять ты не можешь подругу послушную,
Хоть часто даришь мнѣ вѣнокъ голубой.

Ты все-жь, хоть Поэтъ, устаешь отъ мечтанія,
Сливаешься съ жизнью людскою—изношенной.
И нѣтъ мнѣ сліянія, вѣчно изгнаніе,
Я—греза, я—призракъ любовницы брошенной.

Жалоба дѣвушки.

О, люди, жалко-скудные, о, глупые затѣйники,
Зачѣмъ свои мечтанія въ слова вложили вы?
Вы ходите, вы бродите, по селамъ коробейники,
Но всѣ людскіе вымыслы поблеклы и мертвы.

Словами захватали вы всѣ радости желанныя,
Все тайное лишили въ свѣтло-завѣтныхъ чаръ.
И травы грубо топчете, и бродите, обманные,
И, сгорбленные, носите непрошенный товаръ.

Торгуете, торгуетесь, назойливо болтаете,
Ступая, убиваете безмолвные цвѣты.
И все, что въ мысли просится, на деньги вы считаете,
И въ сердцѣ оставляете проклятье пустоты.

О, скупщики корыстные, глядѣльщики безстыдные,
Оставьте насъ,—ужели же вамъ мало городовъ?
Луга мои, мечты мои, неслышныя, невидныя,
Найду ли для любви моей нетронутыхъ цвѣтовъ!

Сѣрая птичка.

О, сѣрая птичка, съ глазами печальными, черными,
И съ грудкою алою, точно въ крови,—
Не бейся о клѣтку, съ углами ея, съ прутьями желѣзными, узорными,
Въ клѣткѣ—живи.

Ты бьешься, ты бьешься. Ужели еще ты не знаешь всемірной законности?
Кто сѣть разставляетъ, тотъ въ клѣткѣ умѣетъ держать.
О, сѣрая птичка, не бейся, подчинись непреклонности,
Научись—даже въ клѣткѣ звенѣть и дышать.

Польской дѣвушкѣ.

Въ ней есть что-то лебединое,
Лебединое, змѣиное,
И поетъ мечта несмѣлая:—
Ты ужалишь, лебедь бѣлая?
*Б.****

1.

Мнѣ нравятся нѣжные лепеты сказки,
И юность, и флейты, и ласки, и пляски,
И чуть на тебя я взгляну,—я ликую,
Какъ будто съ тобой я мазурку танцую.

2.

Я люблю изъ женщинъ тѣхъ,
Въ чьихъ глазахъ сверкаетъ смѣхъ
Оттого и безъ огня
Зажигаешь ты меня.

3.

Я люблю. И развѣ грѣхъ,
Что въ тебѣ люблю я смѣхъ?
Утро можно ль не любить?
Солнце можно ли забыть?

4.

Ты вся мнѣ воздушно-желанна,
Ты вся такъ расцвѣтно-нѣжна.
Ты—май. Неужели же странно,
Что весь предъ тобой я—весна.

5.

Ты вся мнѣ воздушно-желанна,
Такъ какъ же тебя не любить?
Ты нѣжная польская панна,
Такъ какъ же мнѣ нѣжнымъ не быть?

6.

Люди скрываютъ въ себѣ боязливо
Нѣжное слово—люблю.
Глупые. Ежели сердце счастливо,
Развѣ я счастьемъ своимъ оскорблю!

7.

Въ душѣ моей были упреки, ошибки,
Но ты предо мной, улыбаясь, предстала,—
И вдругъ я услышалъ пѣвучія скрипки,
И мы закружились въ веселіи бала.

8.

Въ душѣ моей темное что-то боролось.
Въ душѣ моей было угрюмо, пустынно.
Но я услыхалъ твой дѣвическій голосъ,
И понялъ, какъ можетъ быть сердце невинно.

9.

Отчего душа проснулась?
Я спросилъ, тревожный, знойный.
Ты безмолвно усмѣхнулась,
И умчалъ насъ танецъ стройный.

10.

Это счастіе откуда?
Но опять, одной улыбкой,
Ты сказала: „Радость чуда.“
И помчалъ насъ танецъ зыбкій.

11.

Душа полна растроганности кроткой,
Я въ садъ вошелъ, и осчастливленъ былъ
Нежданно-нѣжною находкой:
Вдругъ вижу, вотъ, я полюбилъ.

12.

Я нашелъ, весь пронзенный лучами, цвѣтокъ,
И какъ тучка на небѣ, я медлю и таю,
Такъ желаненъ мнѣ каждый его лепестокъ,
Что, смотря на расцвѣтъ, я и самъ расцвѣтаю.

13.

Въ тебѣ музыкальные сны,
Зеркальность безтрепетныхъ взоровъ,
Сверканье пѣвучей струны,
Согласье манящихъ узоровъ.

14.

Ты вся—свѣтловодный ручей,
Бѣгущій средь мягкихъ излучинъ,
Твой взоръ—чарованье лучей,
Твой смѣхъ упоительно-звученъ.

15.

Ты свѣтъ примирительный льешь,
Но вдругъ, словно въ ткани узорной,
Ты прячешься, дразнишь, зовешь,
И смотришь лукаво-задорной.

16.

Будь вѣчно такою счастливой,
Что, если узнаешь ты горе,
Лишь легкой плакучею ивой
Оно бъ отразилось во взорѣ.

17.

Когда ты въ зеркальности чистой
Допустишь хоть трепетъ случайный,
Въ душѣ моей ликъ твой лучистый
Все жь будетъ безтрепетной тайной.

18.

Я тебя сохраню невозбранно,
И мечты, что плѣнительно-юны,
О, воздушная польская панна,
Я вложу въ золотистыя струны.

19.

Когда ты узнаешь смущенность,
О, вспомни, что, нѣжно тоскуя,
Тебѣ отдавая бездонность,
Въ отвѣтъ ничего не прошу я.

20.

Нѣжное золото въ сердцѣ зажглось.
Если кто любитъ блистающій свѣтъ,
Какъ же онъ Солнцу поставитъ вопросъ?
Въ самой любви есть отвѣтъ.

21.

О, Польша! Я съ дѣтства тебя полюбилъ,
Во мнѣ непремѣнно есть польская кровь:—
Я вкрадчивъ, я полонъ утонченныхъ силъ,
Люблю, и влюбленъ я въ любовь.

22.

Твой нѣжный румянецъ,
И нѣжные двадцать два года—
Какъ будто бы танецъ
Красиваго въ пляскахъ народа!

Финская колыбельная пѣсня.

Ниникъ.

Спи, моя дѣточка, глазки свои закрывая,
Спи, моя дѣточка, птичка моя полевая,
Свѣтлоголовка, усни, хорошо тебѣ будетъ,
Спи, моя дѣвочка, Богъ тебя завтра разбудитъ.

Птичкѣ своей Онъ навѣетъ воздушныя грезы,
Сплелъ колыбель ей онъ нѣжно изъ листьевъ березы,
Сонъ наклонился съ дремотой, и шепчетъ сквозь вѣтку:
Есть ли здѣсь дѣточка? Я убаюкаю дѣтку.

Спитъ ли здѣсь дѣточка въ мягкой своей колыбелькѣ?
Славно ли дѣточкѣ въ теплой уютной постелькѣ?
Спи, моя дѣвочка, глазки свои закрывая,
Спи, моя дѣточка, птичка моя полевая.

Осень.

1.

Бѣлесоватое Небо, слѣпое, и вѣтеръ тоскливый,
Шелесты листьевъ увядшихъ, поблекшихъ въ мельканіи
дней,
Шорохъ листвы помертвѣвшей, и трепетъ ея торопливый,
Полное скорби качанье далекихъ высокихъ стеблей.

Степь за оградою сада, просторы полей опустѣлыхъ,
Сонныя мертвыя воды затянутой мглою рѣки,
Сказочность облачныхъ далей, безмолвныхъ, печальныхъ,
и бѣлыхъ,
Шелесты листьевъ увядшихъ, ихъ вздохи, и лепетъ тоски.

Смутная тайна мгновеній, которыя вѣчно стремятся,
Падаютъ съ призрачнымъ звономъ по склонамъ скалистыхъ временъ,
Осени саванъ сплетаютъ, и траурной тканью ложатся,
Зимній готовятъ, холодный, томительный, длительный
сонъ.

2.

На кладбищѣ старомъ пустынномъ, гдѣ я схоронилъ всѣ
надежды,
Гдѣ ихъ до меня схоронили мой дѣдъ, мой отецъ, мой
братъ,
Я стоялъ подъ Луной, и далеко серебрились, бѣлѣли
одежды,
Это вышли изъ гроба надежды, чтобы бросить послѣд-
ній свой взглядъ.

На кладбищѣ старомъ пустынномъ, качались высокія
травы,
Нѣмыя, густыя, сѣдыя, и сердце дрожало въ отвѣтъ.
О, надежды, надежды, надежды, неужели мертвы на-
всегда вы?
Неужели теперь вы мнѣ шлете замогильный, прощаль-
ный привѣтъ?

На кладбищѣ старомъ пустынномъ,—услышалъ отвѣтъ
я безмолвный,—
Ты самъ схоронилъ насъ глубоко, ты самъ закопалъ
насъ навѣкъ.
Мы любили тебя, мы дышали, мы скользили, какъ лег-
кія волны,
Но твое охладѣвшее сердце отошло отъ сіяющихъ рѣкъ.

На кладбищѣ старомъ пустынномъ, въ безвременье ночи
осенней,
За нами приходишь ты поздно, отсюда закрыта стезя.
Посмотри, все короче минуты, посмотри, все мгновен-
нѣй, мгновеннѣй
Въ истеченіи Времени брызги,—и продлить намъ сви-
данье нельзя.

На кладбищѣ старомъ пустынномъ, съ сознаніемъ, пол-
нымъ отравы,
Подъ мертвой Луною, сіяньемъ, какъ саваномъ, былъ я
одѣтъ.
И мгновенья ниспали въ столѣтья, и качались высокія
травы,
И отчаянье блѣдно струило свой холодный безжизненный
свѣтъ.

Въ бѣломъ.

Я сидѣлъ съ тобою рядомъ,
Ты была вся въ бѣломъ.
Я тебя касался взглядомъ,
Жаднымъ, но несмѣлымъ.

Я хотѣлъ въ твой умъ проникнуть
Грезой поцѣлуя.
Я хотѣлъ безгласно крикнуть,
Что тебя люблю я.

Но кругомъ сидѣли люди,
Глупо говорили.
Я застылъ въ жестокомъ чудѣ,
Точно былъ въ могилѣ.

Точно былъ въ гробу стеклянномъ,
Гдѣ-то тамъ—другіе.
Я—съ своимъ видѣньемъ страннымъ,
Въ сказкѣ летаргіи.

И твои глаза горѣли
Въ непостижной дали.
Но мои сказать не смѣли,
Почему мерцали.

Ты—невѣста, ты—чужая,
Ты и онъ—мечтанья.
Но застылъ я, твердо зная,
Что любовь—страданье.

Вижу, вижу, какъ другого
Счастье ослѣпило.
Я утратилъ силу слова,
Но сильна могила.

Кто узналъ съ другимъ сліянье,
Тѣмъ не возродиться.
Я застылъ, какъ изваянье,
Знаю, намъ не слиться.

Смерть свои соткала сѣти,
Смерть непобѣдима.
Если есть любовь на свѣтѣ,
Ты лишь мной любима!

Прощай.

За наше „Когда-то“—послѣдній привѣтъ.
И больше ни мысли, ни памяти нѣтъ.

Что было, то было. Что будетъ, не ждетъ.
И Солнце все дальше и дальше идетъ.

Въ разбѣгѣ прибоя таится отливъ.
Но море рокочетъ, и рокотъ красивъ.

Мы счастливы были безумьемъ любви.
Минутнымъ, невѣрнымъ меня не зови.

Я нѣженъ, я вѣренъ отшедшей мечтѣ.
Но вотъ уже эти признанья—не тѣ.

Я счастливъ—я свѣтелъ—одинъ—какъ звѣзда.
Не помни. Не думай. Прощай. Навсегда.

Кольцо.

Нѣтъ, наша встрѣча не случайна,
И помню я твое лицо,
Межъ нами дремлющая тайна,
Душа душѣ дала кольцо.

И нѣтъ въ словахъ опредѣленья
Для этой тайны, что вдвоемъ
Черезъ потоки измѣненья
Мы не роняя пронесемъ.

И нашихъ чувствъ не называя,
Затѣмъ что имъ названья нѣтъ,
Мы будемъ свѣтлы—вспоминая,
И созерцая тайный свѣтъ.

Быть можетъ.

Быть можетъ черезъ годы, быть можетъ черезъ дни,
Съ тобой мы будемъ вмѣстѣ, и будемъ мы одни.

И сердце сердцу скажетъ, что въ смѣнѣ дней и лѣтъ,
Есть вѣчный, негасимый, неуловимый свѣтъ.

Онъ былъ у насъ во взорахъ, названья нѣтъ ему,
Онъ будетъ снова—знаю, не зная, почему.

Но мы, перемѣнившись во внѣшностяхъ своихъ,
Другъ другу молча скажемъ, глазами, яркій стихъ.

Мы скажемъ: Вотъ, мы вмѣстѣ. Гдѣ жизнь? Гдѣ міръ?
Гдѣ плѣнъ?
Мы—жизнь, и въ перемѣнахъ для сердца нѣтъ измѣнъ.

Еще, еще мы скажемъ, но что, не знаю я,
Лишь знаю, что безсмертна любовь и жизнь моя.

Лишь знаю—поблѣднѣю, и поблѣднѣешь ты,
И въ насъ обоихъ вспыхнутъ, лишь нами, всѣ черты.

Ты пришла.

Ты пришла, какъ приходитъ весна,
Расцвѣла, какъ весенній цвѣтокъ.
И въ душѣ у меня тишина,
Хоть теперь отъ тебя я далекъ.

Тишина и созвучіе строкъ,
И дрожанье, и пѣнье мечты.
Ты нѣжна, какъ воздушный намекъ,
Ты нѣжна, какъ ночные цвѣты.

Сердце хочетъ всегда Красоты,
Мысли жаждутъ цвѣтовъ и зимой.
Ты была и останешься—ты,
Я въ минувшемъ и будущемъ твой.

Мнѣ не страшно быть порознь съ тобой,
И звучитъ и не молкнетъ струна.
Ты подъ снѣгомъ, цвѣтокъ голубой,
Но ужь близко вторая весна.

Вновь.

Я вновь хочу быть нѣжнымъ,
Быть кроткимъ навсегда,
Прозрачнымъ и безбрежнымъ,
Какъ воздухъ и вода.

Безоблачно-прекраснымъ,
Какъ зеркало мечты,
Непонятымъ и яснымъ,
Какъ небо и цвѣты.

Я вновь хочу быть соннымъ,
Быть въ грезѣ голубой,
И быть въ тебя влюбленнымъ,
И быть всегда съ тобой.

Серебряныя звѣзды.

Серебряныя звѣзды, я сердце вамъ отдамъ,
Но только вы скажите—вы что ночнымъ цвѣтамъ
Сюда сіяньемъ льете, сіяя вѣчно тамъ?

Серебряныя мысли полночной тишины,
Вы нѣжны и нарядны на Праздникѣ Весны,
Но что въ васъ тайно дышетъ? Какіе въ звѣздахъ сны?

Серебряныя воды просторовъ неземныхъ,
Въ зеркальностяхъ Природы какой поете стихъ?
Вселенскія озера! Потоки водъ живыхъ!

Такъ молча звѣзды съ сердцемъ старался я сплести,
Душой своей вздыхая у Млечнаго Пути,
И талисманъ мечтая межъ дружныхъ звѣздъ найти.

Я спрашивалъ, я слышалъ незримую струну,
Забылъ, глядѣлъ ли въ Небо, въ свою ли глубину,
Но я любилъ, лелѣялъ влюбленность и Весну.

Душа моя дрожала отъ пѣнья тайныхъ строкъ,
Въ душѣ моей раскрылся невѣдомый цвѣтокъ,
Узнать его названье я никогда не могъ.

Но весь я полонъ пѣнья, сіянья странныхъ сновъ,
О, праздникъ обрученья Небесъ и лепестковъ,
О, таинство вѣнчанья созвѣздій и цвѣтовъ!

Мандолина.

Свѣтлый голосъ мандолины сладкой лаской прозвучалъ.
Точно кто-то поцѣлуй мой съ поцѣлуемъ обвѣнчалъ.

Точно кто-то, властнымъ словомъ, вызвавъ къ жизни брызги струй,
Далъ имъ литься, далъ имъ слиться въ долгій влажный поцѣлуй.

О, Неаполь! Волны Моря! Афродиты колыбель!
Легкій звонъ ростетъ, лелѣя. Вѣетъ млѣющій Апрѣль.

Бѣлый снѣгъ въ горахъ растаялъ, блескомъ влажности плыветъ.
Капля съ каплей тѣсно слиты, ключъ звенитъ, и ключъ зоветъ.

Возвеличились, запѣли, закипѣли ручейки,
И въ руслѣ, какъ въ колыбели, стало тѣсно для рѣки.

И рѣка, въ своемъ стремленьи, впала въ Море, въ блескъ
и гулъ,
Въ пѣнной зыби, въ смутномъ пѣньи, призракъ ласковый мелькнулъ.

Губы—нѣжный цвѣтъ коралла, очеркъ блѣднаго лица,
Струи, струи, поцѣлуи, струи, струи, безъ конца.

Сладкій голосъ мандолины, Итальянскій свѣтлый сонъ,
Нѣжный съ нѣжнымъ, близокъ мысли, юный съ юнымъ,
въ Жизнь влюбленъ!

Ночной цвѣтокъ.

Вновь и вновь струятся строки
Звучно-сладостныхъ стиховъ,
Снова зыблются намеки,
Вновь ищу во тьмѣ грѣховъ.

Темной ночью, глухо спящей,
Еле слышно въ садъ иду,
И подъ чащей шелестящей
Съ красотою рѣчь веду.

„Красота моя, ты любишь?“
Если любишь, будь моей.“
„Милый, ты меня погубишь,“
Милый, милый, пожалѣй.“

Мигъ борьбы взаимно-нѣжной,
Спѣшный, слышный стукъ сердецъ,
Свѣтъ незримый, свѣтъ безбрежный,—
О, блаженство! Наконецъ!

Мглой ночною, черноокой,
Много скрыто жгучихъ сновъ.
„Милый, милый, ты—жестокій!“
Въ оправданье нужно ль словъ?

Тотъ, кто любитъ, развѣ губитъ,
Разъ желанное беретъ?
Онъ лишь нѣжитъ, онъ голубитъ,
Въ сердце медъ онъ сладко льетъ.

И не ночью ли глубокой,
О, блаженство красоты,
Подъ Лазурью звѣздоокой
Дышутъ нѣжные цвѣты?

Не во тьмѣ-ли, опьяненный,
Мглу поитъ ночной цвѣтокъ,
Не жалѣя, что, влюбленный,
Наконецъ раскрыться могъ?

Лунный свѣтъ.

Легкій листъ, на липѣ млѣя,
Лунный лучъ въ себя вобралъ.
Спитъ зеленая аллея,
Лишь вверху поетъ хоралъ.

Это—лунное томленье,
Съ нѣжнымъ вешнимъ вѣтеркомъ,
Легкость ласкъ влагаетъ въ пѣнье
Липъ, загрезившихъ кругомъ.

И въ истомѣ замиранья,
Ихъ вершины въ сладкомъ снѣ
Слышатъ лунное сіянье,
Слышатъ вѣтеръ въ вышинѣ.

Свѣтъ Луны и вѣтеръ вешній,
Блѣдный ландышъ спитъ въ тѣни,
Грезя, видитъ сонъ нездѣшній,
Дню хранитъ свои огни.

Полонъ зыблемаго звона,
Легкой грезы и весны,
Съ голубого небосклона
Принимаетъ лучъ Луны.

Ликъ Луны, любовь лелѣя,
Міръ чаруетъ съ высоты.
Спитъ зеленая аллея,
Спятъ деревья и цвѣты.

„Ben escrivia motz et sons".

О забытомъ трубадурѣ, что ушелъ въ иной предѣлъ,
Было сказано, что стройно онъ слагалъ слова и пѣлъ.
И не только пѣлъ онъ пѣсни, но умѣлъ ихъ записать,
Въ знаки, въ строки, и въ намеки жемчугъ чувства на-
низать.

Эти пѣсни трубадура! Эти взоры châtelaine!
Эти звоны, перезвоны двухъ сердецъ, попавшихъ въ
плѣнъ.

Я ихъ вижу, знаю, слышу, боль и счастье ихъ дѣлю,
Наши струны вѣчно-юны, разъ поютъ они: „Люблю."

Мертвый замокъ, долгій вечеръ, мостъ подъятый, рвы
съ водой,
Свѣтъ любви, и звонъ мгновенья вьются, льются чере-
дой,
Нѣтъ чужихъ, и нѣтъ чужого, нѣтъ владыкъ, и нѣтъ
рабовъ,
Только льется серебристый ручеекъ напѣвныхъ словъ.

О, ручей, звончѣй, звончѣе. Сердце проситъ, мысль зоветъ.
Сердце хочетъ, мысль подвластна, власть любви—какъ сладкій медъ.
Эта власть раба равняетъ съ самой лучшей изъ царицъ.
Взоръ темнѣетъ, сказка свѣтитъ изъ-подъ дрогнувшихъ рѣсницъ.

Эти пѣсни трубадура! Эти взоры châtelaine!
Сколько пышныхъ странъ раскрылось въ двухъ сердцахъ средь темныхъ стѣнъ.
Рабъ—съ царицей, иль рабыня наклонилась къ королю?
О, любите, струны—юны, разъ поютъ они: „Люблю“!

ЧЕРНАЯ ОПРАВА.

Die Hochzeit kam für Licht und Finsterniss.

Nietzsche.

Свадьба настала для Свѣта и Тьмы.

Ницше.

Пляска атомовъ.

Яйцевидные атомы мчатся. Пути ихъ — орбиты спиральныя.
Въ нашемъ видимомъ явственномъ мірѣ незримая мчится Вселенная,
И спирали уходятъ въ спирали, въ незримости—солнца овальныя,
Непостижныя въ малости земли, планетность пылинокъ безсмѣнная.

Сочетанья, сплетенья, круженье потока сокрыто-мальстрёмнаго,
Да и *нѣтъ* этихъ атомовъ зыбкихъ, въ сліяньи съ эѳирнымъ теченіемъ,
Пляски дикаго смерча, циклона, безмѣрно-бездонно-огромнаго,
Изначальное празднество чиселъ, закрученныхъ сложнымъ стремленіемъ.

Въ чемъ ихъ цѣль, въ чемъ ихъ смыслъ, этихъ плясокъ, зачѣмъ коловратность безсмѣнная,
Не дознались Индійцы, Китайцы, не вѣдала мудрая Греція,
И о смыслѣ ихъ шабаша знаетъ надменная мысль современная
Такъ же мало, какъ старыя пѣсни, наивныя пѣсни Лукреція.

Но несчетности атомовъ мчатся, Вселенная дышетъ Вселенными,
Несосчитанность явностей нашихъ съ бездонной Незримостью скована,
И желанно ли намъ, нежеланно-ль быть вакхами, будучи плѣнными,
Но кружиться должны мы, должны мы—зачѣмъ?—намъ узнать не даровано.

Ихъ двое.

Довременно Доброе Начало,
Довременно и Начало Злое.
Что̀ сильнѣе,—Мысль мнѣ не сказала,
Лишь одно извѣстно мнѣ:—Ихъ двое.

Геній неразлученъ съ темнымъ Звѣремъ,
Ликъ Огня—въ эбеновой оправѣ,
Вѣря въ Бога—въ Дьявола мы вѣримъ,
Строимъ Замокъ—быть при немъ канавѣ.

Ты дрожишь, облыжное Мечтанье,
Какъ собака подъ хлыстомъ владыки?
Маятника лживое болтанье,
Въ Замкѣ—пѣсни, въ подземельи—крики.

Маятникъ—прикованный и мѣдный,
Мечется и вправо онъ и влѣво,
Эта сказка—кажется мнѣ блѣдной,
Я дрожу отъ бѣшенаго гнѣва.

Я дрожу—и Мысли нѣтъ исхода,
Разъ я свѣтлый—весь мой мракъ откуда?
Красота—въ объятіяхъ урода,
Богъ Христосъ—и рядомъ съ нимъ Іуда.

Тутъ и Чудо—Мысли не поможетъ,
Потому что разумъ мой—не чувство,
Потому что Мысль играть не можетъ,
И не прячетъ доводовъ въ Искусство.

Если Міръ—какъ Міръ—противорѣчье,
Я не знаю, чѣмъ онъ разрѣшится.
Въ Вавилонѣ—разныя нарѣчья,
И всезрящей башнѣ—ввысь не взвиться.

Умствователь нищій, я слабѣю,
Предаюсь безумному Поэту,
Боль зову я правдою своею,
Въ темной Ночи пѣснь слагаю Свѣту.

Пронунсіаміэнто.

Снова Тѣнь, и снова Дьяволъ, снова Тѣнь, и снова боги,
Снова тягость перекрестковъ, и несчетныя дороги.
Будетъ, будетъ. Надоѣло. Есть же мѣра наконецъ.
Если жалкую повторность ты не видишь, ты—глупецъ.

Или нужно въ самомъ дѣлѣ намъ вздыхать, блѣднѣть всечасно?

Даже глупая ищейка устаетъ искать напрасно.
И тогда ее хозяинъ прочь съ собой ведетъ домой:
И не скажетъ: „Псу—усталость!“ И не скажетъ: „Отдыхъ—мой!“

Нѣтъ, собаку холитъ, кормитъ—кто идетъ за красной дичью.

Это только справедливость, тутъ и мѣста нѣтъ величью.
Мы, же, люди, кто мы? Кто мы?—Кто не слѣпъ, тотъ самъ суди:—

Мы—охотникъ, мы—собака, или—звѣрь съ копьемъ въ груди?

Выбирайте. Только, братья, разъ хотите вы лохмотій,
Я вамъ больше не товарищъ, здѣсь, на этомъ поворотѣ.
Брама, Вишну, Сива, Эа, Мирри-Дугга, Одинъ, Торъ,
Витцлипохтли, маски, маски, это все сплошной позоръ.

Въ лабиринтахъ ли Индійскихъ, или въ бѣшеной Валгаллѣ,
На уступахъ пирамидныхъ Мексиканскихъ теокалли,
Всюду—Демону въ угоду—истязаніе умовъ,
Трепетъ вырваннаго сердца, темный праздникъ, темный ровъ.

Жертва, жертва, ножъ вонзенный, ужасъ взора, кровь изъ груди,
Растоптанье, оскверненье, одураченные люди.
Прочь, кошмары, Ночь провальна, прочь, Драконъ, и прочь, Змѣя,
Я люблю одну бездонность, это—Воля, это—Я!

Вѣра въ Тѣни это только—мозговая паутина,
Призракъ Дьявола — попутчикъ Привидѣнья - Исполина.
Противъ этихъ двухъ Бактерій прибѣгаю я къ Лучу:—
Нѣтъ ихъ больше! Нѣтъ ихъ больше! Больше Чудищъ не хочу!

Міровая тюрьма.

Когда я думаю, какъ много есть Вселенныхъ,
Какъ много было ихъ, и будетъ вновь и вновь,—
Мнѣ Небо кажется тюрьмой несчетныхъ плѣнныхъ,
Гдѣ свѣтъ закатности есть жертвенная кровь.

Опять разрушатся всѣ спайки, склейки, скрѣпы,
Всѣ связи рушатся,—и снова будетъ Тьма,
Плясъ жадныхъ атомовъ, чудовищно-свирѣпый,
Циклонъ незримостей, стихійная Чума.

И вновь сомкнетъ, скуетъ водоворотъ спиральный
Звено упорное сложившихся планетъ,
И странной музыкой, безгласной и печальной,
Въ эѳирныхъ пропастяхъ польется звѣздный свѣтъ.

И какъ въ былые дни, чтобъ прочнымъ было зданье,
Подъ основаніе бывалъ живой зарытъ,—
Въ блестящихъ звѣздностяхъ есть бѣшенство страданья,
Лучистъ Дворецъ Небесъ, но онъ изъ тяжкихъ плитъ.

Безнадежность.

Мучительная слитность
Волны съ волной, волны съ волной, въ туманной неразрывности.
Томленье, беззащитность
Всѣхъ нашихъ думъ, всѣхъ нашихъ сновъ, во всей ихъ страшной дивности.

Волна волной быть хочетъ,
Но прочь уйти отъ прочихъ волнъ никакъ нельзя въ Безбрежности.
И сердцу умъ пророчитъ,
Что каждый мигъ, что каждый лучъ есть отблескъ Безнадежности.

Богъ Океанъ.

Волны морей, безпредѣльно—пустынно—шумящія,
Богъ Океанъ, многогласно—печально—взывающій,
Пѣнныя ткани, безцѣльно—воздушно—летящія,
Брызги съ воздушностью, призрачно—сказочно—тающей.

Горькія воды, туманно—холодно—безбрежныя,
Долгій напѣвъ, безконечно—томительно—длительный,
Волны морей, безконца—безконца—безнадежныя,
Богъ Океанъ, неоглядно—темно—утомительный.

Горѣнье.

Изначально горѣнье Желанья,
А изъ пламени—волны повторныя,
И рождаются въ Небѣ сіянья,
И горятъ ихъ сплетенья узорныя.

Неоглядны просторы морскія,
Незнакомы съ уютомъ и съ жалостью,
Каждый мигъ эти воды—другія,
Полны тьмою, лазурностью, алостью.

Имъ лишь этимъ и можно упиться,
Красотою оттѣнковъ различія,
Загораться, носиться, кружиться,
И взметаться, и жаждать величія.

Если жь волны предѣльны, усталы,
Въ безднахъ Міра, стѣной онѣмѣлою,
Возникаютъ высокія скалы,
Чтобъ разбиться имъ пѣною бѣлою.

Мудрецы говорятъ.

Мудрецы говорятъ: описать намъ Его невозможно,
Трижды темная Тайна, хоть Онъ—ослѣпительный Свѣтъ.
Лишь скажи утвержденье,—оно ужь навѣрное ложно,
Всѣ реченья о Немъ начинаются съ возгласа: „Нѣтъ“.

Нѣтъ въ Немъ Скорби, ни Жизни, ни Смерти, ни Сновъ, ни Движенья,
Но, скорбя со скорбящимъ, съ живущимъ живетъ Онъ какъ братъ.
И повсюду, во всемъ, ты увидишь Его отраженья,
Онъ въ зрачкахъ у тебя, Онъ твой первый, послѣдній твой взглядъ.

Не терзайся, душа, если рѣчь разсказать неспособна
То, что, будучи Словомъ, бѣжитъ отъ несчетности словъ.
Капля каждая—видишь—играетъ и искрится дробно,
И не каплѣ явить Океанъ, безъ тѣснинъ береговъ.

Мудрецы—говорятъ. Но не медли, душа, съ мудрецами,
Если хочешь побыть съ Тѣмъ, Кто въ каждой песчинкѣ
пустынь.
Видишь—горы горятъ снѣговыми своими вѣнцами?
Ихъ молчанье — съ душой, ихъ молчанье есть область
святынь.

Лишь вступи въ этотъ мiръ, или пѣнью внимай Океана,—
Ты вздохнешь и поймешь, что бесѣдуетъ Кто-то съ
тобой,
И закроется въ сердцѣ глубокая алая рана,
И утонетъ душа въ Бѣлизнѣ, въ глубинѣ голубой.

Какъ знать!

Далеко идутъ—идутъ пути.
Ждутъ ли насъ, въ концѣ ихъ, за горами?
Есть ли Богъ? Онъ сжалится ль надъ нами?
Есть ли Богъ, и какъ Его найти?

Затаивъ невыраженный вздохъ,
Я прошелъ несчетныя дороги.
Мозгъ болитъ, болятъ глаза и ноги.
Я не знаю, братья, есть ли Богъ.

Всѣ устали въ тягостномъ пути.
Вотъ, теперь послѣдняя дорога.
Если даже здѣсь не встрѣтимъ Бога,
Больше негдѣ Бога намъ найти.

Страшный путь. Уступы. Скудный мохъ.
Западнями—всюду щели, срывы.
Будемъ ли въ концѣ концовъ счастливы?
Какъ узнать! Какъ знать, какой Онъ,—Богъ!

Не обвиняй.

Не обвиняй, не обвиняй. Быть можетъ онъ неправъ.
Но онъ въ тюрьмѣ твоей забылъ пучокъ душистыхъ
травъ.
И онъ въ тюрьмѣ твоей забылъ замуровать окно.
И Міръ Ночной, и Міръ Дневной идутъ къ тебѣ на дно.

Ты потонулъ. Ты здѣсь уснулъ. И встать не можешь ты.
Но вотъ въ тюрьмѣ глядятъ, ростутъ, и царствуютъ
цвѣты.
На мѣстѣ томъ, гдѣ ты лежишь, какъ трупъ ты долженъ
быть.
Но сердце знаетъ, что нельзя созвѣздья не любить.

Не обвиняй, не обвиняй—хотя бы потому,
Что обвиненьемъ все равно не повредишь ему,
А только сдѣлаешь свой взоръ тяжелымъ и больнымъ,
И, если вправду онъ неправъ, сравняешься ты съ нимъ.

А если то не случай былъ, что онъ забылъ цвѣты?
А если то не случай былъ, что Небо видишь ты?
Какъ взглянешь ты, когда онъ вдругъ въ тюрьмѣ от-
кроетъ дверь,
Отворитъ дверь, что заперта, закована теперь?

Я знаю, больно ждать того, что только можетъ быть.
Но счастливъ тотъ, кто даже боль сумѣетъ полюбить.
Я знаю все. Мнѣ жаль тебя. Но чу! Цвѣты—цвѣтутъ.
Мой братъ, я—духъ того, кто былъ—въ твоей тюрь-
мѣ—вотъ тутъ.

Отзвуки благовѣста.

Въ недвижности, въ безгласной летаргіи
Прибрежныхъ скалъ, молчащихъ надъ водой,—
Молчащихъ вѣкъ, вѣка, еще, другіе,
Молчащихъ въ безглагольной летаргіи,—
Есть смыслъ—какой?—не уловить мечтой,
Но только вѣчный, благостный, святой,
Сильнѣй, чѣмъ всѣ напѣвности морскія.

Безвременье.

Западъ и Сѣверъ объяты
Пламенемъ вечера соннаго.
Краски печально-богаты
Дня безвозвратно-сожженнаго.

Вѣтеръ шумитъ, не смолкая,
Между листовъ опадающихъ.
Съ крикомъ проносится стая
Птицъ, далеко улетающихъ.

Счастливъ, кто мудро наполнилъ
Хлѣбомъ амбары укромные.
Горе, кто трудъ не исполнилъ,
Горе вамъ, мыслями темные!

Тѣнь отъ дыма.

Мое несчастье несравнимо
Ни съ чьимъ. О, подлинно! Ни съ чьимъ.
Другіе—дымъ, я—тѣнь отъ дыма,
Я всѣмъ завидую, кто—дымъ.

Они горѣли, догорѣли,
И, все отдавши яркимъ снамъ,
Спѣшатъ къ назначенной имъ цѣли,
Стремятся къ синимъ небесамъ.

Великимъ схвачены закономъ,
Покорно таютъ въ свѣтлой мглѣ.
А я, какъ змѣй, ползу по склонамъ,
Я опрокинутъ на землѣ.

И я хотѣлъ бы на вершины
Хоть блѣднымъ призракомъ дойти,
Они—для всѣхъ, они едины,
Но я цѣпляюсь по пути.

Увы, я самъ себя не знаю,
И отъ себя того я жду,
Что преградитъ дорогу къ Раю,
Куда такъ зыбко я иду.

Воспоминанья.

Снѣжные храмы въ душѣ возвышаются,
Горные замки изъ чистаго льда,
Воспоминаньемъ они называются,—
Но не тревожь ихъ мечтой никогда.

Нѣкогда жившія, страстно любившія,
Вставшія свѣтлой нѣмой чередой,
Воспоминанья кристалы застывшіе,—
Но не буди ихъ тревожной мечтой.

Воспоминанья граничатъ съ раскаяньемъ,
Только ихъ тронешь горячимъ лучомъ,
Льды разомкнутся, смягченные таяньемъ,—
Снѣжныя глыбы польются ручьемъ.

Бѣлые хлопья, потоками мутными,
Жадные, падаютъ внизъ съ высоты,
Съ комьями грязи несутся попутными,—
Воспоминаніе, это ли ты?

Гдѣ же все чистое? Гдѣ все невинное?
Храмы и замки изъ снѣга и льда?
Воспоминанія—тяжесть лавинная,—
О, не тревожь ихъ мечтой никогда!

Геній мгновенья.

Ко мнѣ приходятъ юноши порой.
Я ихъ плѣняю ласковой игрой
Моихъ стиховъ, какъ флейта, лунно-нѣжныхъ,
Загадкой глазъ, изъ міра сновъ безбрежныхъ.
Душа къ душѣ, мы грезимъ, мы поемъ.
О, юноши, еще вы чужды грязи,
Которую мы буднями зовемъ.
Вашъ умъ—въ мечтѣ опаловой, въ алмазѣ,
Въ кораллахъ губъ, сомкнутыхъ сладкимъ сномъ.
Но вы ко мнѣ приходите наивно,
Моя мечта лишь призрачно-призывна.
Зову, но самъ не знаю никогда,
Въ чемъ свѣтъ, мой свѣтъ, и онъ влечетъ—куда.
Но я таковъ, я съ міромъ сказокъ слитенъ,
Какъ снѣгъ жестокъ,—какъ иней, беззащитенъ.

Читатель душъ.

Читатель душъ людскихъ, скажи намъ, что прочелъ ты?
Страницы Юности? Поэмы Красоты?
— О, нѣтъ, затасканы, истерты, темны, желты
Въ томахъ людской души несчетные листы.

Я долго ихъ читалъ, и въ разныя нарѣчья
Упорно проникалъ внимательной мечтой,
Все думалъ въ ихъ строкахъ нежданность подстеречь я,
Искалъ я тайны тайнъ за каждою чертой.

Я родился чтецомъ, и призрачныя строки
Полуослѣпшій взоръ волнуютъ, какъ всегда,
Я жажду острововъ, ищу, люблю намеки,
Ихъ мало, и горька въ моряхъ души вода.

За днями странствія, усталый, истомленный,
Въ книгохранилище случайное зайду,
Передъ чужой душой встаю, какъ духъ безсонный,
И укоризненно бесѣды съ ней веду.

Зачѣмъ такъ блѣдны вы, несмѣлыя стремленья?
Зачѣмъ такъ гордости въ васъ мало, сны людей?
Я иногда хочу, вамъ всѣмъ, уничтоженья,
Во имя свѣжести нетронутыхъ полей.

Не потому ль, храня незримую обиду,
Природа вольная замыслила потопъ,
Пріяла гнѣвный ликъ, и стерла Атлантиду,
Чтобъ всѣ повторности нашли свой вѣрный гробъ?

Намъ быстрый часъ грозитъ. Есть мѣра повторенья.
Природа стережетъ, и утра ждетъ отъ насъ.
Сожжемте жь прошлое, сплетемъ въ вѣнокъ мгновенья,
Начнемъ свою Весну, скорѣй, теперь, сейчасъ!

Замокъ.

Глубокіе рвы. Подъемные мосты.
Высокія стѣны съ тяжелыми воротами.
Мрачные покои, гдѣ сыро и темно.
Высокіе залы, гдѣ гулки такъ шаги.
Стѣны съ портретами предковъ непривѣтныхъ.
Пяльцы, чтобъ ткань все ту же вышивать.
Узкія окна. Внизу—подземелья.
Зубчатыя башни, ихъ сѣрый цвѣтъ.
Сѣрый ихъ цвѣтъ, тяжелыя громады.
Что тутъ дѣлать? Сегодня—какъ вчера.
Что тутъ дѣлать? Завтра—какъ сегодня.
Что тутъ дѣлать? Завтра—какъ вчера.
Только и слышишь, какъ воетъ вѣтеръ.
Только и помнишь, какъ ноетъ сердце.
Только взойдешь на вершину башни.
Смотришь на дальнюю даль горизонта.

Тамъ, далеко, страны другія.
Здѣсь все тѣ же лѣса и равнины.
Тамъ, далеко, новое что-то.
Здѣсь все тѣ же долины и горы.
Замокъ, замокъ, открой мнѣ ворота.
Сердце больше не можетъ такъ жить.

Желѣзный Шаръ.

Не говори мнѣ—Шаръ Земной, скажи точнѣе—Шаръ Желѣзный,
И я навѣки излѣчусь отъ боли сердца безполезной,
Да, Шаръ Желѣзный, съ круговымъ колодцемъ скрытаго огня,
И легкимъ слоемъ верховымъ земли съ полями ячменя.

Съ полями ржи, съ лугами травъ, съ зелеными коврами лѣса,
Съ громадой горъ, гдѣ между скалъ недвижныхъ тучъ виситъ завѣса,
И съ этой плѣсенью людской, гдѣ ярче всѣхъ—кто всѣхъ старѣй,
Кто мозгъ свой жадный расцвѣтилъ насчетъ умовъ другихъ людей.

Я только долженъ твердо знать, что жостокъ этотъ
Шаръ Желѣзный.
И пусть, и пусть. Зачѣмъ же грусть? Мы съ нимъ
летимъ воздушной бездной.
Зачѣмъ же мягкимъ буду я въ желѣзный, въ жосткій
этотъ вѣкъ?
Я мечъ беру — и я плыву — до устья пышныхъ — пыш-
ныхъ рѣкъ.

Примѣта.

Только ты въ мой умъ проникъ,
Въ замокъ, спрятанный за рвами.
Ты увидѣлъ тайный ликъ,
Съ зачарованными снами.

Что намъ этотъ блѣдный міръ?
Есть съ тобой у насъ примѣта:
Въ каждомъ схимникѣ—вампиръ,
Въ каждомъ дьяволѣ—комета.

Только ты поймешь меня.
Только ты. Но что мнѣ люди!
Мы—отъ Духа и Огня,
Мы съ тобою—чудо въ Чудѣ.

Змѣя.

Постой. Мнѣ кажется, что я о чемъ-то позабылъ.
Чей странный вскрикъ: „Змѣя! Змѣя!“—чей это возгласъ былъ?
О томъ я въ сказкѣ ли читалъ? Иль самъ сказалъ кому?
Или услышалъ отъ кого? Не знаю, не пойму.

Но въ этотъ самый бѣглый мигъ я вспомнилъ вдругъ опять,
Какъ сладко тѣломъ къ тѣлу льнуть, какъ радостно обнять,
И какъ въ глаза идетъ огонь зеленыхъ женскихъ глазъ,
И какъ возможно въ Вѣчный Кругъ сковать единый часъ.

О, въ этотъ мигъ, когда ты мнѣ шепнула: „Милый мой!“—
Я вдругъ почувствовалъ, что вновь я схваченъ властной Тьмой,
Что звѣзды къ звѣздамъ въ Небесахъ стремительно текутъ,
Но всѣ созвѣздья сплетены въ одинъ гигантскій жгутъ.

И въ этотъ жгутъ спѣшатъ, бѣгутъ несчетности людей,
Снаружи онъ блестящъ и твердъ, но въ полости своей,
Во впалой сферѣ жадныхъ звѣздъ сокрыта топь болотъ,
И кто войдетъ, о, кто войдетъ,—навѣкъ съ нимъ конченъ счетъ.

Безумный сонъ. Правдивъ ли онъ иль ложенъ,—какъ мнѣ знать?
Но только вдругъ я ощутилъ, что страшно мнѣ обнять,
И я люблю—и я хочу—и я шепчу: „Моя!“
Но молча въ памяти моей звенитъ: „Змѣя! Змѣя!“

Границы.

Я задыхался много разъ,
Въ глубокой тьмѣ, и въ поздній часъ,
И задыхались близь меня
Другіе люди, безъ огня.

О, да, безъ лампы, безъ свѣчей,
И въ домѣ, бывшемъ какъ ничей,
Гдѣ только стѣны говорятъ,
И даже взглядъ не видитъ взглядъ.

Но стѣны! Стѣны суть черты,
Границы смежной темноты,
Гдѣ тоже кто-то, въ поздній часъ,
Дышалъ, задохся, и погасъ.

И два, одинъ съ другимъ, молчатъ,
И въ душахъ сатанинскій чадъ,
И двумъ ихъ близость говоритъ,
Что атомъ съ атомомъ не слитъ.

Лемуры.

Правдивая сказочка.

Троеглазые Лемуры,
Тѣломъ тяжки и понуры,
Между сосенъ вѣковыхъ,
Тамъ, гдѣ папоротникъ-чудо
Разростается, какъ груда,
Собрались—и сколько ихъ!

И какой ихъ видъ ужасный,
Каждый тамъ—какъ сонъ неясный,
Какъ расплывчатый кошмаръ,
Исполинскіе младенцы,
Гнутся пальцы ихъ въ колѣнцы,
Каждый тамъ ни юнъ, ни старъ.

Гнутся руки, гнутся ноги,
Какъ огромныя миноги,
Ноги съ пяткой откидной,
Чтобъ ходить впередъ и задомъ,
Измѣряя заднимъ взглядомъ
Все, что встанетъ за спиной.

Да, опасна ихъ дорога,
Плащъ ихъ—кожа носорога,
Шкура складками виситъ,
Надъ безмозглой головою
Кисти съ краской голубою,
Съ алой краской,—что́ за видъ!

Въ каждой особи двуполой
Дьяволъ свѣтится—веселый,
Но веселіемъ такимъ,—
Тутъ разумный только взглянетъ,
Каждый волосъ дыбомъ встанетъ,
Сердце станетъ ледянымъ.

Рѣчь ихъ—мямленье сплошное,
„*А*“ и „*о*“ и „*у*“ двойное,
Бормотаніе и вой,
Желатинность слитныхъ гласныхъ,
Липкость губъ отвратно-страстныхъ,
И трясенье головой.

И однако жь, вотъ что, дѣтки:
То не сказка, это предки,
Это мы въ лѣсахъ страстей,—
Чтобы въ этомъ убѣдиться,
Стоитъ только погрузиться
Въ лабиринтъ души своей.

Проклятіе человѣкамъ.

Мы, человѣки дней послѣднихъ, какъ блѣдны въ жизни мы своей!
Какъ будто въ Мірѣ нѣтъ рубиновъ, и нѣтъ цвѣтовъ, и нѣтъ лучей.

Мы знаемъ золото лишь въ деньгахъ, съ остывшимъ блѣднымъ серебромъ,
Не понимаемъ мысли молній, не знаемъ, чтó поетъ намъ громъ.

Для насъ блистательное Солнце не богъ, несущій жизнь и мечъ,
А просто желтый шаръ центральный, планетъ сферическая печь.

Мы говоримъ, что мы научны, въ нашъ безподобный умный вѣкъ,
Я говорю—мы просто скучны, мы прочь ушли отъ свѣтлыхъ рѣкъ.

Мы разорвали, расщепили живую слитность всѣхъ стихій,
И мы, живя однимъ убійствомъ, бормочемъ лживо: „Не убій“.

Я ненавижу человѣковъ, въ цилиндрахъ, въ мерзкихъ сюртукахъ,
Исчадья вѣчно-душныхъ комнатъ, что могутъ видѣть лишь въ очкахъ.

И видятъ—только предъ собою, такъ прямо, ну, сажени двѣ,
И топчутъ хилыми ногами, какъ звѣри, всѣ цвѣты въ травѣ.

Сказавъ—какъ звѣри, я унизилъ—звѣрей конечно, не людей,
Лишь межъ звѣрей еще возможна—жизнь, яркость жизни, безъ тѣней.

О, человѣки дней послѣднихъ, вы надоѣли мнѣ вконецъ.
Чтó между васъ найти могу я, искатель кладовъ и сердецъ!

Вы даже прошлыя эпохи наклейкой жалкихъ словъ своихъ
Лишили грознаго величья, всѣхъ силъ живыхъ, размаха ихъ.

Когда какой-нибудь ученый, сказать точнѣе—маніакъ,
Бесѣдовать о прошломъ хочетъ, начнетъ онъ бормотанье такъ:—

То были дни Ихтіозавровъ, Плезіозавровъ... О, глупецъ!
Какія клички ты придумалъ! Дай не ярлыкъ мнѣ,—
образецъ!

Дай мнѣ почувствовать, что были пиры и хохотъ Вещества,
Когда не знали страсти—тюремъ, и кровь живыхъ—была
жива.

Ихтіозавры, Динозавры, и Птеродактили—суть бредъ,
Не бредъ Стихій, а лепетъ мозга, который замкнутъ въ
кабинетъ.

Но, если я скажу, что ящеръ влачился, по землѣ какъ
домъ?
Былъ глыбистой летучей мышью, летѣлъ въ надзем-
ности китомъ?

И мы при имени Дракона литературность ощутимъ:—
Кто онъ? То Дьяволъ—иль Созвѣздье—Китайскій сим-
волъ—смутный дымъ?

Но, если я скажу, что гдѣ-то многосаженный горный
склонъ
Восколебался, закачался, и двинулся—и былъ Драконъ?

Лабораторная зачахлость! Ты смыслъ различья ощутилъ?
Иль нужно изъяснить понятнѣй, что ты хромецъ, лишен-
ный силъ?

О, дни, когда былъ такъ несроденъ Литературѣ чело-
вѣкъ,
Что, если закрѣпить хотѣлъ онъ, что̀ слышалъ отъ морей
и рѣкъ,

Влагалъ онъ сложныя понятья—въ гіероглифы, не въ
слова,
И панорама Неба, Міра въ тѣхъ записяхъ была жива.

То живопись была, сліянье звѣрей, людей, и птицъ
въ одно.—
Зачѣмъ, Изида, возлѣ Сфинкса, подъ Солнцемъ быть
мнѣ не дано!

Человѣчки.

Человѣчекъ современный, низкорослый, слабосильный,
Мелкій собственникъ, законникъ, лицемѣрный семьянинъ,
Весь трусливый, весь двуличный, косодушный, щепетильный,
Вся душа его, душонка—точно изъ морщинъ.

Вѣчно долженъ и не долженъ, то нельзя, а это можно,
Бракъ законный, спросъ и купля, обликъ сонный, гробъ сердецъ,
Можешь карты, можешь мысли передернуть—осторожно,
Явно грабить неразумно, но—стриги овецъ.

Монотонный, односложный, какъ напѣвы людоѣда:—
Тотъ упорно двѣ-три ноты тянетъ—тянетъ безъ конца,
Звѣрь несчастный существуетъ отъ обѣда до обѣда,
Чтобъ поѣсть, жену убьетъ онъ, умертвитъ отца.

Этотъ ту же пѣсню тянетъ, только онъ вѣдь просвѣщенный,
Онъ оформитъ, онъ запишетъ, дверь запретъ онъ на крючокъ.
Блѣдноумный, сыщикъ вольныхъ, немочь сердца, евнухъ сонный,—
О, когда бъ ты, милліонный, вдругъ исчезнуть могъ!

Бэдламъ нашихъ дней.

Delirant, vociferantur, rident, plorant, ejulant, praelongam aggerunt linguam, obscena loquuntur...

Врачъ, объ одержимыхъ Лудунскими дьяволами.

Безумствуютъ, кричатъ, смѣются,
Хохочутъ, бѣшено рыдаютъ,
Предлиннымъ языкомъ болтаютъ,
Словъ не жалѣютъ, рѣчи льются,
Многоглагольно, и нестройно,
Безстыдно, пошло, непристойно.

Внимаютъ тѣмъ, кто всѣхъ глупѣе,
Кто дологъ въ болтовнѣ тягучей,
Кто, человѣкомъ быть не смѣя,
Но тварью быть съ звѣрьми умѣя,

Раскраситъ краскою линючей
Какой-нибудь узоръ дешовый,
Приткнетъ его на столбъ дубовый,
И рѣчью нудною, скрипучей,
Подъ этотъ стягъ сбираетъ стадо,
Гдѣ каждый съ каждымъ можетъ спорить,
Кто всѣхъ животнѣй мутью взгляда,
Кто лучше сможетъ свѣтъ позорить.

О, сердце, есть костры и свѣты,
Есть въ блескъ одѣтыя планеты,
Но есть и угли, мраки, дымы
На фонѣ вѣчнаго Горѣнья.
Понявъ, щади свои мгновенья,
Ты видишь: эти—одержимы,
Бѣги отъ нихъ, имъ нѣтъ спасенья,
Имъ радостно, что Бѣсъ къ нимъ жмется,
Который Глупостью зовется,
Онъ вѣчно ищетъ продолженья,
Чтобъ кормъ найти, въ хлѣвахъ онъ бродитъ,
И безошибочно находитъ
Умалишенныя видѣнья.

О, сердце, Глупый Бѣсъ—какъ Лама,
Что правитъ душами въ Тибетѣ:
Одинъ умретъ—другой, для срама,
Всегда въ запасѣ есть на свѣтѣ.

Бѣги изъ душнаго Бэдлама,
И знай, что, если есть спасенье
Для прокаженныхъ,—есть прозрѣнье,—
И что слѣпцы Судьбой хранимы,—
Глупцы навѣкъ неизлѣчимы.

Война.

1.

Исторія людей—
Исторія войны,
Разнузданность страстей
Въ театрѣ Сатаны.

Страна тѣснитъ страну,
И взглядъ встрѣчаетъ взглядъ.
За краткую весну
Несчетный рядъ расплатъ.

У бѣшенства мечты
И бѣшеный языкъ,
Личина доброты
Спадаетъ въ быстрый мигъ.

Чтò правдою зовутъ,
Мучительная ложь.
Смѣются ль,—тутъ какъ тутъ
За пазухою ножъ.

И снова льется кровь
Изъ темной глубины.
И вотъ мы вновь, мы вновь—
Актеры Сатаны.

2.

Боже мой, о, Боже мой, за что мои страданья?
Нѣженъ я, и кротокъ я, а страшный міръ жестокъ.
Явственно я чувствую весь ужасъ трепетанья
Тысячъ рукъ оторванныхъ, разбитыхъ рукъ и ногъ.

Рвущіяся въ воздухѣ безумныя гранаты,
Бывшій человѣческимъ и ставшій звѣрскимъ взглядъ,
Звуковъ сумасшествія тяжелые раскаты,
Гимнъ свинца и пороха, напѣвы пуль звенятъ.

Сонмы пчелъ убійственныхъ, что жалятъ въ самомъ дѣлѣ,
И готовятъ Дьяволу не желтый, красный медъ,
Соты динамитные, летучія шрапнели,
Помыслы лиддитные, свирѣпый пулеметъ.

А далеко, въ Городѣ, гдѣ воръ готовитъ смѣты,
Люди крѣпковыйные смѣются, пьютъ, ѣдятъ.
Слышится: „Что новаго?“ Слегка шуршатъ газеты.
„Вы сегодня въ Оперѣ?“—„Въ партерѣ, пятый рядъ“.

Широко замыслены безмѣрныя мученья,
Водопадъ обрушился, и Хаосъ—властелинъ,
Все мое потоплено, кипитъ, гудитъ теченье,—
Я, цвѣты сбирающій, что жь сдѣлаю одинъ!

3.

„Кто визжитъ, скулитъ, и плачетъ?“
Просвистѣлъ тесакъ.
„Ты какъ мячъ, и умъ твой скачетъ,
„Ты щенокъ, дуракъ!“

„Кто мѣшаетъ битвѣ честной?“
Крикнуло ружье.
„Мертвый книжникъ, трусъ извѣстный,
„Баба,—прочь ее!“

„Кто поетъ про руки, ноги?“
Грянулъ барабанъ.
„Рабъ проклятый, прочь съ дороги,
„Ты должно быть пьянъ!“

Гнѣвной дробью разразился
Грозный барабанъ.
„Если штыкъ о штыкъ забился,
„Штыкъ затѣмъ и данъ!“

Пушки глухо зарычали,
Вспыхнулъ красный свѣтъ,
Жерла жерламъ отвѣчали,
Ясенъ былъ отвѣтъ.

Точно чей-то зовъ съ амвона
Прозвучалъ въ мечтѣ,
И несчетныя знамена
Бились въ высотѣ.

Сильный, бодрый, гордый, смѣлый,
Былъ и я солдатъ,
Шелъ въ безвѣстные предѣлы,
Напрягая взглядъ.

Шло насъ много, пѣли звоны.
Съ Неба лили свѣтъ
Милліоны, милліоны
Царственныхъ планетъ.

Война, не вражда.

1.

Мнѣ странно подумать, что трезвые люди
Способны затѣять войну.
Я весь—въ созерцательномъ радостномъ чудѣ,
У ласковой мысли въ плѣну.

Мнѣ странно подумать, что люди враждуютъ,
Я каждому радъ уступить.
Мечты мнѣ смѣются, любовно колдуютъ,
И ткутъ золотистую нить.

Настолько исполненъ я ихъ ароматомъ,
Настолько чужда мнѣ вражда,
Что, если бъ въ сраженіи былъ я солдатомъ,
Спокойно бъ стрѣлялъ я тогда.

Стрѣлялъ бы я мѣтко, изъ честности бранной,
Но вѣрилъ бы въ жизнь глубоко.
Безъ гнѣва, безъ страха, безъ злобы обманной,
Убилъ бы и умеръ легко.

И зналъ бы, убивши, легко умирая,
Что все же мы братья сейчасъ,
Что это ошибка, ошибка чужая
На мигъ затуманила насъ.

2.

Да, я навѣрно жилъ не годы, а столѣтья,
Затѣмъ что въ смѣнѣ лѣтъ встрѣчая—и враговъ,
На нихъ, какъ на друзей, не въ силахъ не глядѣть я,
На вражескихъ рукахъ я не хочу оковъ.

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ кажется порою, что съ друзьями
Мнѣ легче жесткимъ быть, безжалостнымъ подчасъ:—
Я знаю, что для насъ за тягостными днями
Настанетъ добрый день, съ улыбкой нѣжныхъ глазъ.

За мигъ небрежности мой другъ врагомъ не станетъ,
Самъ зная слабости, меня проститъ легко.
А темнаго врага вражда, какъ тьма, обманетъ,
И упадетъ онъ внизъ, въ овраги, глубоко.

Онъ не узнаетъ самъ, какъ слабъ онъ въ гнѣвѣ сильномъ,
О, величаются упавшіе, всегда:—
Бродячіе огни надъ сумракомъ могильнымъ
Считаетъ звѣздами проклятая Вражда.

Я знаю, Ненависть имѣетъ взоръ блестящій,
И искры сыплются въ свиданіи клинковъ.
Но мысль въ сто кратъ свѣтлѣй въ минутности летящей,
Я помню много битвъ, и множество вѣковъ.

Великій Архимедъ, съ своими чертежами,
Прекраснѣй, чѣмъ солдатъ, зарѣзавшій его.
Но жалче—тотъ солдатъ, съ безумными глазами,
И съ безпощадной тьмой влеченья своего.

Мнѣ жаль, что атомъ я, что я не міръ—два міра!—
Безумцамъ отдалъ бы я всѣ свои тѣла,—
Чтобъ, утомясь игрой убійственнаго пира,
Слѣпая ихъ душа свой тайный свѣтъ зажгла.

И, изумленные минутой заблужденья,
Они бы вдругъ въ себѣ открыли новый ликъ,—
И, души съ душами, сплелись бы мы какъ звенья,
И стали бъ звѣздами, блистая каждый мигъ!

Тройственность двухъ.

1. *Возрожденіе.*

Strange case of Dr. Jekill and Mr. Hyde.
Stevenson.

Возвращеніе къ жизни, и первый сознательный взглядъ.
—„Мистеръ Хайдъ, или Джикиль?“ два голоса мнѣ говорятъ.

Почему жь это „Или“? я ихъ вопрошаю въ отвѣтъ.
Развѣ мѣста обоимъ въ душѣ зачарованной нѣтъ?

Гдѣ есть день, тамъ и ночь. Гдѣ есть мракъ, тамъ и свѣтъ есть всегда.
Если двое есть въ Мірѣ, есть въ Мірѣ любовь и вражда.

И любовь ли вражду побѣдила, вражда ли царитъ,
Побѣдителю скучно, и новое солнце горитъ.

Догоритъ, и погаснетъ, поборется съ тьмою—и ночь.
Тутъ ужь что же мнѣ дѣлать, могу ли я Міру помочь.

Ничего, Докторъ Джикиль, ты мудрый, ты добрый, ты врачъ,
Потерпи, разъ ты Докторъ, что есть Мистеръ Хайдъ, и не плачь.

Да и ты, Мистеръ Хайдъ, если въ прятки играешь, играй,
А ужь разъ проигрался, прощай—или вновь начинай.

И довольно мнѣ словъ. Уходите. Я съ вами молчу.
—О, начало, о, жизнь, неизвѣстность, тебя я хочу!

2. *Міровое Причастіе.*

L'idée pure, l'infini...
Flaubert.

„L'idée pure, l'infini, j'y aspire, il m'attire...“
О, искавшій Флоберъ, ты предчувствовалъ насъ.
Мы и ночи и дни устремляемся въ Міръ,
Мы въ Бездонности ждемъ отвѣчающихъ глазъ.

Въ нашихъ жилахъ течетъ ненасытная кровь,
Мы безмѣрны въ любви, безграничны вдвоемъ.
Но, любя какъ никто, не обманемся вновь,
И влюбленность души не тѣламъ отдаемъ.

Въ океанахъ мечты всколеблена гладь,
Мы воздушны въ любви, какъ воздушенъ туманъ.
Но Елены опять мы не будемъ искать,
И войной не пойдемъ на безумныхъ Троянъ.

Нѣтъ, иное свѣтло ослѣпило нашъ взоръ,
Мы коснулись всего, растворились во Всемъ.
Глубину съ высотой сочетали въ узоръ,
Съ Міровымъ въ міровомъ мы причастія ждемъ.

Больше медлить нельзя возлѣ старыхъ могилъ,
Что прошло, то прошло, что мертво, то мертво.
Мы въ стозвучномъ живемъ, въ Литургіи Свѣтилъ,
Въ откровеньи стихій, въ воскресеньи Всего.

3. „*Pax hominibus bonae voluntatis*“.

Миръ на Землѣ, миръ людямъ доброй воли,
Миръ людямъ воли злой желаю я.
Миръ тѣмъ, кто ослѣпленъ на бранномъ полѣ,
Миръ тѣмъ, въ чьихъ темныхъ снахъ живетъ Змѣя.

О, слава Солнцу пламенному въ вышнихъ,
О, слава Небу, звѣздамъ, и Лунѣ.
Но для меня нѣтъ въ Мірѣ больше лишнихъ,
Съ высотъ зову—и тѣхъ, кто тамъ, на днѣ.

Всѣ—въ Небесахъ, всѣ равны въ разной долѣ,
Я счастливъ такъ, что всѣхъ зову съ собой.
Идите въ Жизнь, миръ людямъ доброй воли,
Идите въ Жизнь, миръ людямъ воли злой.

Городъ Золотыхъ Воротъ.

Сонъ волшебный. Мнѣ приснился древній Городъ Водъ,
Что иначе звался—Городъ Золотыхъ Воротъ.

Въ незапамятное время, далеко отъ насъ,
Люди Утра въ немъ явили свой пурпурный часъ.

Люди Утра, Дѣти Солнца, Духи Страсти, въ немъ
Обвѣнчали Дѣву-Воду съ золотымъ Огнемъ.

Дѣву-Воду, что, зачавши отъ лучей Огня,
Остается вѣчно-свѣтлой, дѣвственность храня.

Дѣти Страсти это знали, строя Городъ Водъ,
Воздвигая стройный Городъ Золотыхъ Воротъ.

Яркость красокъ, мощность зданій, валъ, надъ валомъ валъ,
Блескъ цвѣтовъ, глядящихъ въ Воду, въ эту глубь зеркалъ.

Городъ-Сказка. Съ нимъ въ сравненьи людный Вавилонъ
Былъ не такъ похожъ на пышный предразсвѣтный сонъ.

Съ нимъ въ сравненіи Аѳины, Бенаресъ, и Римъ
Взоръ души не поражаютъ обликомъ своимъ.

Это—сказки лѣтъ позднѣйшихъ, отрезвленныхъ дней,
Лѣтъ, когда душа блѣднѣетъ, дѣлаясь умнѣй.

Въ нихъ не чувствуешь нежданныхъ очертаній сна,
Ужь не сердце въ нихъ, а разумъ, лѣто, не весна.

Въ нихъ не чувствуешь безумья утренней мечты,
Властелинской, исполинской, первой красоты.

Въ тѣхъ, въ забытыхъ созиданьяхъ, царствовала Страсть,
Ей, желанной, предается, вольно, все во власть.

Оттого-то Дѣти Солнца, въ торжествѣ своемъ,
Башней гордою вѣнчали каждый храмъ и домъ.

Оттого само ихъ имя—золото и сталь,
Имя гордое Атланта—Тольтекъ, Рмоагаль.

Въ будни жизнь не превращая, міръ любя, они
Яркой краской, жаркимъ чувствомъ наполняли дни.

До монетъ не унижая золото, они
Изъ него ковали входы въ царственные дни.

Входъ Огнемъ обозначался въ древній Городъ Водъ,
Что иначе звался—Городъ Золотыхъ Воротъ.

Гвоздики.

Когда расцвѣтаютъ гвоздики въ лѣсахъ,
Послѣдніе лѣтніе дни истекаютъ.
Въ гвоздикахъ іюльскіе дни замыкаютъ
Ту юную кровь, что алѣетъ въ лучахъ.
И больше не вспыхнутъ, до новаго года,
Такіе рубины, такая свобода.

На черномъ фонѣ.

На черномъ фонѣ бѣлый свѣтъ
Меня мучительно плѣняетъ.
И бьется умъ. Дрожитъ. Не знаетъ,
Не скрытъ ли страшный здѣсь отвѣтъ.

Боясь принять отвѣтъ жестокій,
Вопросъ я тайный хороню.
И вновь молюсь. Молюсь—Огню,
Въ тѣни Стремнины звѣздоокой!

Фата Моргана.

Фата Моргана,
Замки, узоры, цвѣты, и цвѣта,
Сказка, гдѣ каждая краска, черта
Съ каждой секундой—не та,
Фата Моргана
Явственно свѣтитъ лишь тѣмъ, кто, внимательный, рано,
Утромъ, едва только Солнце взойдетъ,
Глянетъ съ высокаго камня на Море,
Къ Солнцу спиной надъ безгранностью водъ,
Съ блескомъ во взорѣ,
Къ Солнцу спиной,
Правда-ль тутъ будетъ, неправда-ль обмана,
Только роскошной цвѣтной пеленой
Быстро возникнетъ предъ нимъ надъ волной
Фата Моргана.

1. Красный.

Кораллы, рубины, гранаты,
Вы страннымъ внушеньемъ богаты:—
На васъ поглядишь—и живешь,
Какъ будто кого обнимаешь,—
На васъ поглядѣвъ, понимаешь,
Что красная краска не ложь.

О, кровь, много таинствъ ты знаешь!

Когда по равнинѣ пустынно-сѣдой
Скользишь утомленно чуть зрячей мечтой,
Лишь встрѣтишь ты красный какой лоскутокъ,—
Вмигъ въ сердцѣ—рожденіе строкъ,
Какъ будто бы что-то толкнуло мечту,
И любишь опять горячо Красоту,
И красочный ловишь намекъ.

О, кровь, я намековъ твоихъ не сочту!

Когда, какъ безгласно-цвѣточные крики,
Увижу я вдругъ на іюльскихъ лугахъ
Капли крови въ гвоздикѣ,
Внутри, въ лепесткахъ,
Капли алыя крови живой,
Юной, страстной, желающей ласкъ, и дѣленія чуждой на „мой“ или „твой“,—

Мнѣ понятно, о чемъ такъ гвоздика мечтаетъ,
Почему лепестки опьяненному Солнцу она подставляетъ:—
Вижу, вижу, вливается золото въ алую кровь,
И теряется въ ней, возрождается вновь,
Взоръ глядитъ—и не знаетъ, гдѣ именно Солнце,
Гдѣ отливы и блескъ золотого червонца,
Гдѣ гвоздики дѣвически-нѣжной любовь.

О, кровь, какъ ты странно-плѣнительна, кровь!

Вотъ, словно во снѣ,
Почудились мнѣ
Столепестковыя розы,
Въ оттѣнкахъ, въ несчетности ихъ лепестковъ
Вновь вижу, какъ дѣвственны, женственны грезы,
Но знаю, что страстность доходитъ почти до угрозы,
Знаю я, какъ безконечно-богаты уста,
Поцѣлуи, сближенье, альковъ,
Какъ первозданно-богаты два рта,
Въ краснорѣчьи безъ словъ.

Я гляжу, и теряюсь, робѣю,
Я хочу, и не смѣю,
Сорвать эту розу, сорвать, и познать упоенье, любовь.

О, кровь, сколько таинствъ и счастій скрываешь ты,
кровь!

2. Розовый.

Румянецъ яблока, на фонѣ Сентября,
Съ его травой-листвой воздушно-золотою,
Румянецъ дѣвушки, когда горитъ заря,
Румянецъ дѣвушки, идущей за водою,
Межь тѣмъ какъ въ серебрѣ и въ зеркалѣ рѣки
Мелькаютъ, зыбкіе, и пляшутъ огоньки.

Румянецъ сладостно-стыдливаго незнанья,
Когда услышитъ вдругъ она
Ее смутившее признанье,
И онъ, сдержавъ свое дыханье,
Безмолвно чувствуетъ, что радость—суждена.

И наконецъ еще, румянецъ тотъ, предѣльный,
Когда они вдвоемъ сливаются въ одно,
И чашей полной, чашей цѣльной
Пьютъ сладко-пьяное вино,
И въ этой нѣгѣ безпредѣльной,
Въ предвѣстьи сказки колыбельной,
Разбиться чашѣ суждено.

3. Предразсвѣтно-лепестковый.

Неназываемый цвѣтокъ,
Который нѣженъ и прелестенъ,
И каждой дѣвушкѣ извѣстенъ,
Какъ всѣмъ пѣвцамъ рожденье строкъ.

Неназываемый цвѣтокъ,
Что только разъ одинъ алѣетъ,
И повторяться не умѣетъ,
Но все вложилъ въ одинъ намекъ.

Неназываемый цвѣтокъ.

4. Горицвѣтный.

Лепестки горицвѣта, оранжево-огненно-красные,
При основаніи—съ чернымъ пятномъ.
Не сокрыты ли здѣсь указанья, хотя и неясныя,—
Какъ и въ сосудѣ съ пурпурнымъ виномъ?
Веселимся, пьянимся мы, любимся, жаркіе, страстные,—
Темный отстой неразлученъ со дномъ.

5. *Желтый.*

Спрошу ли умъ, въ чемъ желтый цвѣтъ,
Душа сейчасъ поетъ отвѣтъ,
Я вижу кругъ, сіянье, сферу,
Не золото, не блескъ его,
Не эту тяжкую химеру,
Что нынѣ стала—вещество
Для униженья моего,
О, нѣтъ, иное торжество:—
Подсолнечникъ, цвѣтокъ изъ Перу,
Гдѣ знали, какъ лазурь очей
Нѣжна отъ солнечныхъ лучей.

6. *Красный и желтый.*

Камень и камень, бездушная груда
Камни и камни, ихъ глыба темна.
Все же, въ нихъ скрытое, явится чудо,
Только имъ быстрая встрѣча нужна.

Камень о камень ударитъ случайно,
Желтыя, красныя искры летятъ.
Въ темной безцвѣтности--яркая тайна,
Искры чаруютъ нежданностью взглядъ.

Въ камнѣ скрываются искры живыя.—
Сколько же въ насъ неоткрытыхъ цвѣтовъ!
Дайте увидѣть цвѣты золотые,
Быстрая встрѣча нужна для умовъ!

7. *Красный и голубой.*

Красный цвѣтъ—горячій цвѣтъ,
Голубой—холодный.
Оба шлютъ глазамъ привѣтъ,
Но мечтой несродной.

Говоритъ одинъ—люблю,
Все сожгу любовью,
Камни въ лаву растоплю,
Небо вспыхнетъ кровью.

А другой не говоритъ,
Не грозитъ, не манитъ,
Въ немъ спокойный вѣчный видъ,
Вѣчность не обманетъ.

Красный все зоветъ на бой,
Жаждетъ вновь завязки.
Умъ ласкаетъ—голубой,
Правдой дѣтской ласки.

Тяготясь самимъ собой,
Красный, вихрей полный,
Гонитъ птицъ, звѣрей гурьбой,
Поднимаетъ волны.

Но, законченъ самъ въ себѣ,
Умъ—покой вмѣщаетъ.
О покорности Судьбѣ
Голубой вѣщаетъ.

8. *Красный, желтый, голубой.*

Красный, желтый, голубой,
Троичность цвѣтовъ,
Краски выдумки живой,
Явность трехъ основъ.

Кислородъ, и углеродъ
Странныя слова,
Но и ихъ поэтъ возьметъ,
Въ нихъ душа жива.

Кислородъ, и углеродъ,
Водородъ—слова,
Но и въ нихъ есть желтый медъ,
Вешняя трава.

Да, въ напѣвъ поэтъ возьметъ
Голубые сны,
Золотистый лѣтній медъ,
Алый блескъ весны.

Красный, желтый, голубой—
Троичность основъ
Оставаясь самъ собой,
Міръ нашъ—ими новъ.

9. Голубой, зеленый, желтый, красный.

Голубой, зеленый, желтый, ярко-красный,
Степени различной свѣтлой теплоты.
Незабудка, стебель, лютикъ, арумъ страстный,
Это—возростанье красочной мечты.

Голубыя очи дѣтства золотого,
Изумруды мая, лѣто, страсть, зима,
Душныя теплицы, ночь—и снова, снова
Лампа, звѣзды, взоры, сказка, ласка, тьма.

10. Золотистый.

Лютикъ золотистый,
Греза влажныхъ мѣстъ,
Лучъ, и шелкъ цвѣтистый,
Свѣтлый сонъ невѣстъ.

Пляска брызгъ огнистыхъ
Въ пламени костровъ,
Между красно-мглистыхъ
Быстрыхъ огоньковъ.

Колосъ, отягченный
Числами зерна,
Вечеръ позлащенный,
Полная Луна.

11. Прощально-золотистый.

Тихій шелестъ Сентября,
И умильный свистъ синицы,
Улетающія птицы,
Пышный праздникъ янтаря.

Праздникъ Солнца золотого,
Углубленный небосклонъ,
На лазури—желтый кленъ,
Островъ моря голубого.

Всѣ оттѣнки желтизны,
Роскошь яркихъ угасаній,
Трепетъ красочныхъ прощаній,
Трауръ Лѣта и Весны.

12. Зеленый.

На странныхъ планетахъ, чье имя средь насъ неизвѣстно,
Глядятъ съ восхищеньемъ, въ небесный просторъ, существа,
Ихъ манитъ звѣзда, чье явленье для нихъ—безтѣлесно,
Звѣзда, на которой сквозь Небо мерцаетъ трава.

На алыхъ планетахъ, на бѣлыхъ, и ласково-синихъ,
Гдѣ свѣтятъ кoралломъ, горятъ бирюзою поля,
Влюбленные смотрятъ на островъ въ небесныхъ пустыняхъ,
Въ ихъ снахъ изумрудно, тѣ сны навѣваетъ — Земля.

13. Зеленый и черный.

Подвижная сфера зрачковъ, въ изумрудѣ текучемъ сужаясь,
Расширяясь, сливаетъ, безмолвно, привлеченную душу съ душой.
Въ глубокихъ зрачкахъ, искушенья, во влагѣ зеленой качаясь,
Какъ будто бы манятъ, внушаютъ: „Приблизься, ты мнѣ не чужой".

О, травянистый изумрудъ,
Глаза испанки свѣтлокудрой!
Какой художникъ нѣжно-мудрый,
Утонченникъ, сказался тутъ?
Гдѣ все такъ жарко, чернооко,
Гдѣ всюду черный цвѣтъ волосъ,—
Въ сіяньи бѣлокурыхъ грезъ,
Испанка-нимфа, одиноко,
Порой возникнетъ—и на васъ
Струитъ огонь зеленыхъ глазъ.

Всего красивѣй черный цвѣтъ
Въ зрачкахъ зеленыхъ глазъ.
Гдѣ водный свѣтъ? Его ужь нѣтъ.
Лишь черный есть алмазъ!
Зелено-блѣдная вода,
Русалочій затонъ,—
О, не одна здѣсь спитъ бѣда,
И чутокъ этотъ сонъ.
И каждый мигъ, и каждый часъ
Воздушный изумрудъ,
Воздушный цвѣтъ зеленыхъ глазъ
Поетъ мечтѣ: „Я тутъ!"
Зрачокъ ростетъ, и жадный свѣтъ
Зоветъ, беретъ, свѣтясь.
Гдѣ цѣлый міръ? Его ужь нѣтъ
Лишь черный есть алмазъ!

14. Синій.

Пустынями эѳирными, эѳирными-сапфирными
Скитается безчисленность различно-свѣтлыхъ звѣздъ.
Надъ этими пространствами, то бурными, то мирными,
Душою ощущается въ Эдемъ ведущій мостъ.

Зовется ли онъ Радугой, навѣкъ тысячецвѣтною,
Зовется ли иначе какъ, значенія въ томъ нѣтъ.
Но синій цвѣтъ—небесный цвѣтъ, и грезою отвѣтною
Просящему сознанію даетъ онъ рядъ примѣтъ.

Примѣтъ лазурно-радостныхъ намъ въ будняхъ много
свѣтится,
И пусть, какъ Море синее, дороги далеки,
„Дойдешь", тебѣ вѣщаетъ ленъ, тамъ въ Небѣ все от-
мѣтится,
„Дойдешь", твердятъ глаза дѣтей, и шепчутъ васильки.

15. Нѣжно-лиловый.

Колокольчикъ на опушкѣ лѣса,
Съ звонами, что внятны слуху фей,
Бархатисто-пышная завѣса,
Возлѣ лиловатыхъ орхидей.

Въ лепетѣ романса—цвѣтъ сирени,
Садъ мечты, и въ немъ упавшій листъ,
Въ красочномъ контрастѣ — свѣтъ и тѣни,
На рукѣ лилейной—аметистъ.

16. Фіолетовый.

Мнѣ снилось множество цвѣтовъ,
Багряныхъ, алыхъ, золотистыхъ,
Сафирно-синихъ лепестковъ,
И сновъ, застывшихъ въ аметистахъ.

Но между всѣхъ цвѣточныхъ силъ,
Я видѣлъ, въ призрачной картинѣ,
Что красный цвѣтъ внизу застылъ,
А цвѣтъ зеленый—посрединѣ.

Но выше--выше, въ синеву,
Восходитъ множество фіалокъ,
И въ сновидѣньи наяву
Я вижу бѣлый храмъ Весталокъ.

Ихъ не встревожитъ зовъ ничей,
Имъ Ночь—моленія внушаетъ,
И взоръ фіалковыхъ очей
Въ себѣ бездонность отражаетъ.

И быстро, быстро, быстро—я
Несусь мечтою къ нимъ, предѣльнымъ,
Въ лѣсной пустынѣ Бытія
Забвенье пью фіаломъ цѣльнымъ.

17. Хрустально-серебристый.

Звуки лютни въ свѣтѣ лунномъ,
Словно сказка, неживые,
Въ сновидѣньи многострунномъ
Слезы флейты звуковыя.

Лики сонныхъ бѣлыхъ лилій
Въ озерной зеркальной влагѣ,
Призракъ ангеловъ, ихъ крылій,
Сонъ царевны въ лунной сагѣ.

18. Опалово-зимній.

Легкій слой чуть выпавшаго снѣга,
Серпъ Луны въ лазури блѣдно-синей,
Сѣть вѣтвей, узорная ихъ нѣга,
Кружевомъ на всемъ—воздушный иней.

Духовъ серебристыхъ замокъ стройный,
Сонмы фей въ сплетеньяхъ менуэта,
Танецъ блестокъ, матово-спокойный,
Балъ снѣжинокъ, вымышленность свѣта.

19. *Голубовато-бѣлый и красновато-сѣрый.*

Голубовато-бѣлый и красновато-сѣрый,
Въ дворцѣ людского мозга два цвѣта-вещества.
Безъ нихъ мы не имѣли-бъ ни знанія, ни вѣры,
Лишь съ ними область чувства и наша мысль жива.

Чрезъ нихъ намъ ярко свѣтятъ душевные эѳиры,
Напѣвность ощущеній слагается въ узоръ.
Въ дворцѣ людского мозга играютъ скрипки, лиры,
И чудо-панорама струитъ просвѣтъ во взоръ.

Во внутреннихъ чертогахъ сокровища безъ мѣры,
Цвѣтутъ, пьянятъ, чаруютъ—не день, не часъ, вѣка—
Голубовато-бѣлый и красновато-сѣрый,
Въ дворцѣ людского мозга два странные цвѣтка.

20. *Бѣлый.*

Нарциссъ, восторгъ самовлюбленности,
До боли сладостные сны,
Любовь—до смерти, до бездонности,
Всевластность чистой Бѣлизны.

Нарциссъ, забвенье жизни, жалости,
Желанье, страстность—до того,
Что въ бѣломъ—въ бѣломъ!—вспышка алости,
Забвенье лика своего.

Нарциссъ, туманъ самовнушенія,
Любовь къ любви, вопросъ-отвѣтъ,
Загадка Жизни, отраженіе,
Вѣнчальный саванъ, бѣлый цвѣтъ.

21. *Черный.*

Какъ ни странно это слышать, все же истина вѣрна:—
Свѣтъ противникъ, мракъ помощникъ проростанію зерна.

Подъ землею призракъ жизни долженъ выждать нужный срокъ,
Чтобы колосъ золотистый изъ него родиться могъ.

Въ черной тьмѣ—біенье жизни, зелень блѣдная, ростокъ,
Лишь за этимъ — стебель, колосъ, пышность зеренъ, желтый сокъ.

Міровой цвѣтокъ, который названъ Солнцемъ межъ людей,
Утомясь, уходитъ въ горы, или въ глубь ночныхъ морей.

Но, побывши въ сонномъ мракѣ, въ часъ разсвѣта, послѣ грезъ,
Онъ горитъ пышнѣй, чѣмъ маки, ярче самыхъ пышныхъ розъ.

Черный уголь—символъ жизни, а не смерти для меня:—
Былъ Огонь здѣсь, говорю я, будетъ вновь напѣвъ Огня.

И не черный ли намъ уголь, чтобъ украсить свѣтлый часъ,
Изъ себя произраждаетъ ярко-праздничный алмазъ.

Всѣ цвѣта въ одномъ согласны: входятъ всѣ они—въ цвѣты.
Черной тьмѣ—привѣтъ мой свѣтлый, въ Литургіи Красоты!

Зарево мгновеній.

Въ закатномъ заревѣ мгновеній, твоихъ или моихъ,
Я вижу, какъ сгораетъ геній, какъ возникаетъ стихъ,
Въ закатномъ заревѣ мгновеній докучный шумъ затихъ.

Воспламененное Свѣтило ушло за грань морей,
И въ тучахъ краски доживаютъ всей роскошью своей,
Чего въ нихъ больше—аметистовъ, рубиновъ, янтарей?

Къ чему свой взоръ случайно склонишь, то дастъ тебѣ
отвѣтъ,
Въ одномъ увидишь пламя счастья, въ другомъ услы-
шишь „нѣтъ",
Но все, на что свой взглядъ уронишь, восхвалитъ поздній
свѣтъ.

Прозрачность, нѣжность, и чрезмѣрность, все слито въ
забытьи,
Въ послѣдній разъ мы ихъ коснемся въ предсмертномъ
бытіи,
И мы поймемъ, что эти краски—твои или мои.

И мы поймемъ, какъ полнозвучно поетъ волна морей,
Когда дневное отшумѣло, и Ночь, во снѣ, бодрѣй,
И все ночное, незамѣтно, идетъ скорѣй, скорѣй.

Вотъ, все воздушнѣй аметисты, рубины, янтари,
Все, что во внѣшнемъ — еле слышно, все ярко —
что внутри,
Мгновенье пышнаго Заката—послѣднее—гори!

ОГОНЬ.

Не устану тебя восхвалять,
О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый,
На тебѣ расплавляютъ металлы,
Близь тебя создаютъ и куютъ.

Будемъ какъ Солнце.

Огонь.

1.

Огнепоклонникомъ я прежде былъ когда-то,
Огнепоклонникомъ останусь я всегда.
Мое индійское мышленіе богато
Разнообразіемъ разсвѣта и заката,
Я между смертными—падучая звѣзда.

Средь человѣческихъ безцвѣтныхъ привидѣній,
Межъ этихъ будничныхъ безжизненныхъ тѣней,
Я вспышка яркая, блаженство изступленій,
Игрою красочной свѣтло вѣнчанный геній,
Я праздникъ радости, расцвѣта, и огней.

Какъ обольстительна въ провалахъ тьмы комета!
Она пугаетъ мысль и радуетъ мечту.
На всемъ моемъ пути есть свѣтлая примѣта,
Мой взоръ—блестящій кругъ, за мною — вихри свѣта,
Изъ тьмы и пламени узоры я плету.

При разрѣшенности стихійнаго мечтанья,
Въ начальномъ Хаосѣ, еще не знавшемъ дня,
Не гномомъ роющимъ я былъ средь Міроzданья,
И не ундиною морского трепетанья,
А саламандрою творящаго Огня.

Подъ Гималаями, чьи выси—въ блескахъ Рая,
Я понялъ яркость думъ, среди долинной мглы,
Горѣла въ темнотѣ моя душа живая,
И людямъ я свѣтилъ, костры имъ зажигая,
И Агни свѣтлому слагалъ свои хвалы.

Съ тѣхъ поръ, какъ мигъ одинъ, прошли тысячелѣтья,
Смѣшались языки, содвинулись моря.
Но все еще на Свѣтъ не въ силахъ не глядѣть я,
И знаю явственно, пройдутъ еще столѣтья,
Я буду все свѣтить, сжигая и горя.

О, да, мнѣ нравится, что бѣло такъ и ало
Горѣнье вѣчное земныхъ и горнихъ странъ.
Молиться Пламени сознанье не устало,
И для блестящаго мнѣ служатъ ритуала
Уста горячія, и Солнце, и вулканъ.

Какъ убѣдительна лучей ростущихъ чара,
Когда намъ Солнце вновь бросаетъ жаркій взглядъ,
Неисчерпаемость блистательнаго дара!
И въ красномъ заревѣ побѣднаго пожара
Какъ убѣдителенъ, въ оправѣ тьмы, закатъ!

И въ страшныхъ кратерахъ—молитвенные взрывы:
Качаясь въ пропастяхъ, рождаются на днѣ
Колосья пламени, чудовищно-красивы,
И вдругъ взметаются пылающія нивы,
Уставъ скрывать свой блескъ въ могучей глубинѣ.

Бѣгутъ колосья ввысь изъ творческаго горна,
И шелестѣнья ихъ слагаются въ напѣвъ,
И стебли жгучіе сплетаются узорно,
И съ свистомъ падаютъ пурпуровыя зерна,
Для сна отдѣльности въ той слитности созрѣвъ.

Не то же ль творчество, не то же ли горѣнье,
Не тѣ же ль ужасы, и та же красота
Кидаютъ любящихъ въ безумныя сплетенья,
И заставляютъ ихъ кричать отъ наслажденья,
И замыкаютъ имъ безмолвіемъ уста.

Въ порывѣ бѣшенства въ себя принявши Вѣчность,
Въ блаженствѣ сладостномъ истомной слѣпоты,
Они вдругъ чувствуютъ, какъ дышетъ Безконечность,
И въ ихъ сокрытостяхъ, сквозь ласковую млечность,
Молніеносные рождаются цвѣты.

Огнепоклонникомъ Судьба мнѣ быть велѣла,
Мечтѣ молитвенной ни въ чемъ преграды нѣтъ.
Единымъ пламенемъ горятъ душа и тѣло,
Глядимъ въ бездонность мы въ узорностяхъ предѣла,
На вѣчный праздникъ сновъ зоветъ безбрежный Свѣтъ.

2.

Огонь въ своемъ рожденьи малъ,
Безформенъ, скуденъ, хромъ,
Но ты взгляни, когда онъ, алъ,
Красивымъ исполиномъ всталъ,
Когда онъ сталъ Огнемъ!

Огонь обманчивъ, словно духъ:—
Тотъ можетъ встать какъ тѣнь,
Но вдругъ заполнитъ взоръ и слухъ,
И ночь измѣнитъ въ день.
Вотъ, былъ въ углу онъ, на полу,
Кривился, дымно-сѣръ,
Но вдругъ блестящей сдѣлалъ мглу,
Удвоилъ свой размѣръ.
Размѣръ мѣняя, опьянилъ
Всѣ числа, въ сонъ ихъ сливъ,
И въ блескѣ смѣха, полонъ силъ,
Внезапно сталъ красивъ.
Ты слышишь? слышишь? Онъ поетъ,
Онъ славитъ Красоту,
Вотъ—вотъ, до Неба достаетъ,
И вьется налету!

3.

Я закрываю глаза, и въ мечтанiи
Вижу повсюду сiяющiй Свѣтъ,
Вижу Огонь я во всемъ Мiрозданiи,
Въ травкахъ, въ росинкахъ, въ спираляхъ планетъ.

Вижу я Землю—сестрой межь планетами,
Землю опять ощущаю Землей,
Горы, долины, сады съ ихъ расцвѣтами,
Цѣнные камни съ подземною мглой.

Мѣдное небо, отяжелѣлое,
Грозно нависло надъ знойной пустыней,
Въ немъ Электричество бѣлое,
Съ роскошью желтыхъ изломанныхъ линiй,
Желтыхъ, и красныхъ, лазурно-зеленыхъ,
Въ безднахъ эѳирностей синихъ,
Тучи какъ горы, тамъ замки на склонахъ,
Кони изъ пламени въ вышнихъ пустыняхъ.

Снова я въ Индiи. Да, но не въ той,
Гдѣ побывалъ соглядатай ничтожный,—

Въ Индіи древней, въ отчизнѣ святой,
Данной для всѣхъ, опьяненныхъ мечтой,
Въ цѣльной, навѣкъ непреложной.

И межъ свѣтлоликихъ, межъ дважды-рожденныхъ,
Открывши на мигъ въ Запредѣльное дверь,
При свѣтѣ огней, благовонно-зажженныхъ,
Я слушаю Бурю теперь.

4.

Рудра, красный вепрь Небесъ,
Ниспосылатель алыхъ жгутовъ,
Отецъ стремительныхъ Марутовъ,
Въ вихрѣ огненныхъ завѣсъ,
Геній Бури,
Врагъ Лазури,
Пробѣжалъ и вдругъ исчезъ.
Гдѣ онъ почву Неба роетъ?
Образъ пламенныхъ чудесъ,
Вонъ, онъ тамъ рычитъ и воетъ,
Между облачныхъ зыбей
Тучи молніей своей
Безпокоитъ.

Рудра шлетъ блестящесть водъ,
Льетъ ихъ токомъ плодороднымъ,
Но, порвавши небосводъ,

Вдругъ пожаръ въ домахъ зажжетъ,
Быть онъ добрымъ устаетъ,
Хочетъ быть свободнымъ.

Рудра-Сива, Смерть-Любовь,
Губитъ Жизнь, и любитъ вновь,
Равнодушенъ къ звукамъ стона,
Вепря краснаго клыки
Ранятъ тѣло, рвутъ въ куски,
Но въ травѣ у склона,
Гдѣ убитъ былъ Адонисъ,
Лепестки цвѣтовъ зажглись,
Дышетъ анемона.

Рудра-Сива, Смерть-Любовь,
Смерть-Безсмертье, Пламя-Кровь,
Радуга надъ Моремъ,
Змѣи молній, токъ дождей,
Вѣчность зыбкая страстей,
Здѣсь мы Грому вторимъ!

5.

Огонь приходитъ съ высоты,
Изъ темныхъ тучъ, достигшихъ грани
Своей ростущей темноты,
И порождающей черты

Въ Индіи древней, въ отчизнѣ святой,
Данной для всѣхъ, опьяненныхъ мечтой,
Въ цѣльной, навѣкъ непреложной.

И межъ свѣтлоликихъ, межъ дважды-рожденныхъ,
Открывши на мигъ въ Запредѣльное дверь,
При свѣтѣ огней, благовонно-зажженныхъ,
Я слушаю Бурю теперь.

4.

Рудра, красный вепрь Небесъ,
Ниспосылатель алыхъ жгутовъ,
Отецъ стремительныхъ Марутовъ,
Въ вихрѣ огненныхъ завѣсъ,
Геній Бури,
Врагъ Лазури,
Пробѣжалъ и вдругъ исчезъ.
Гдѣ онъ почву Неба роетъ?
Образъ пламенныхъ чудесъ,
Вонъ, онъ тамъ рычитъ и воетъ,
Между облачныхъ зыбей
Тучи молніей своей
Безпокоитъ.

Рудра шлетъ блестящесть водъ,
Льетъ ихъ токомъ плодороднымъ,
Но, порвавши небосводъ,

Вдругъ пожаръ въ домахъ зажжетъ,
Быть онъ добрымъ устаетъ,
Хочетъ быть свободнымъ.

Рудра-Сива, Смерть-Любовь,
Губитъ Жизнь, и любитъ вновь,
Равнодушенъ къ звукамъ стона,
Вепря краснаго клыки
Ранятъ тѣло, рвутъ въ куски,
Но въ травѣ у склона,
Гдѣ убитъ былъ Адонисъ,
Лепестки цвѣтовъ зажглись,
Дышетъ анемона.

Рудра-Сива, Смерть-Любовь,
Смерть-Безсмертье, Пламя-Кровь,
Радуга надъ Моремъ,
Змѣи молній, токъ дождей,
Вѣчность зыбкая страстей,
Здѣсь мы Грому вторимъ!

5.

Огонь приходитъ съ высоты,
Изъ темныхъ тучъ, достигшихъ грани
Своей ростущей темноты,
И порождающей черты

Молніеносныхъ содроганій.
Огонь приходитъ съ высоты,
И, если онъ въ землѣ таится,
Онъ лавой вырваться стремится,
Изъ подземельной тѣсноты,
Когда жь съ высотъ лучомъ струится,
Онъ въ хороводъ зоветъ цвѣты.

Вонъ лотосъ, любимецъ стихіи тройной,
На свѣтъ и на воздухъ, надъ зыбкой волной,
Поднялся, покинувши илъ,
Онъ Рай обѣщаетъ намъ съ вѣчной Весной,
И съ блескомъ побѣдныхъ Свѣтилъ.

Вотъ пышная роза, Персидскій цвѣтокъ,
Душистая греза Ирана,
Предъ розой исполненъ влюбленныхъ я строкъ,
Волнуетъ уста лепестковъ вѣтерокъ,
И сердце отъ радости пьяно.

Вонъ чампакъ, цвѣтущій въ столѣтіе разъ,
Но грезу лелѣющій—вѣкъ,
Онъ тоже оттуда примѣта для насъ,
Куда убѣгаютъ, въ волненьи свѣтясь,
Всѣ воды намъ вѣдомыхъ рѣкъ.

Но что это? Дрогнувъ, мѣняются чары.
Какъ будто бы смѣхъ Соблазнителя-Мары,

Сорвавшись къ долинамъ съ вершинъ,
Мнѣ шепчетъ, что жадны, какъ звѣри, растенья,
И сдавленность воплей я слышу сквозь пѣнье,
И если мечтѣ драгоцѣнны каменья,
Кровавы гвоздики и страшенъ рубинъ.

Мнѣ страшенъ угаръ ароматовъ и блесковъ расцвѣта,
Все смѣшалось во мнѣ,
Я горю какъ въ Огнѣ,
Душное Лѣто,
Цвѣточный кошмаръ овладѣлъ распаленной мечтой,
Синіе пляшутъ огни, пляшетъ Огонь золотой,
Страшною стала мнѣ даже трава,
Вижу, какъ въ маревѣ, стебли нѣмые,
Пляшутъ и мысли кругомъ и слова.
Мысли—мои? Или, можетъ, чужія?

Закатное Небо. Костры отдаленные.
Гвоздики, и маки, въ своихъ сновидѣньяхъ безсонные.
Волчцы подъ Луной, привидѣнья они,
Обманные бродятъ огни
Пустырями унылыми.
Георгины тупыя, съ цвѣтами застылыми,
Точно ихъ создала не Природа живая,
А измыслилъ въ безжизненный мигъ человѣкъ.
Одуванчиковъ стая сѣдая.
Милліоны раздавленныхъ красныхъ цвѣтовъ,
Клокотанье кроваво-окрашенныхъ рѣкъ.

Гнетъ Пустыни надъ выжженной ширью песковъ.
Кактусы, цѣпкіе, хищные, сочные,
Странно-яркіе, тяжкіе, жаркіе,
Не по-цвѣточному прочные,
Что-то паучье есть въ кактусѣ зломъ,
Мысль онъ пугаетъ, хоть манитъ онъ взглядъ,
Этотъ ликующій цвѣтъ,
Смотришь—растенье, а можетъ быть—нѣтъ,
Алою кровью напившійся гадъ?

И много, и много отвратностей разныхъ,
Красивыхъ цвѣтовъ, и цвѣтовъ безобразныхъ,
Нахлынули, тянутся, въ мысляхъ—прибой,
Рожденный самою Судьбой.

Болиголовъ, наркозъ, съ противнымъ духомъ,—
Воронковидный вѣнчикъ бѣлены,
Затерто-желтый, съ сѣтью синихъ жилокъ,—
Съ оттѣнкомъ буро-краснымъ заразиха,
Съ покатой шлемовидною губой,—
Подобный пауку, офрисъ, съ губою
Широкой, желто-бурою, и красной,—
Колючее созданіе, татарникъ,
Какъ бы въ бронѣ крылоподобныхъ листьевъ,
Зубчатыхъ, паутинисто-шерстистыхъ,—
Дурманъ вонючій,—мертвенный морозникъ,—
Цвѣты отравы, хищности, и тьмы,—
Мыльнянка, съ корневищемъ ядовитымъ,

Взлюбившая края дорогъ, опушки
Лѣсныя, и рѣчные берега,
Мѣста, что въ самой сущности предѣльны,
Цвѣтокъ любимый бабочекъ ночныхъ,—
Вороній глазъ, съ приманкою изъ ягодъ
Отливно-цвѣтныхъ, синевато-черныхъ,—
Пятнадцатилучистый сложный зонтикъ
Изъ ядовитыхъ бѣленькихъ цвѣтковъ,
Зовущихся—такъ памятно—цикутой,—
И липкія исчадія Земли,
Ужасныя растенья-полузвѣри,—
Въ лѣнивыхъ водахъ, медленно-текущихъ,
Въ затонахъ, гдѣ стоячая вода,
Вся полная сосудцевъ, пузырчатка,
Капканъ для водной мелочи животной,
Предъ жертвой открываетъ тонкій клапанъ,
Замкнетъ ее въ тюремномъ пузырькѣ,
И уморитъ, и лакомится гнилью,—
Росянка ждетъ, какъ воръ, своей добычи,
Орудіемъ уродливыхъ желѣзокъ
И кра́сныхъ волосковъ, такъ липко-клейкихъ,
Улавливаетъ мухъ, ихъ убиваетъ,
Удавливаетъ медленнымъ сжиманьемъ—
О, крабъ-цвѣтокъ!—и сокъ изъ нихъ сосетъ,
Болотная причудливость, растенье,
Которое цвѣткомъ не хочетъ быть,
И хоть имѣетъ гроздь расцвѣтовъ бѣлыхъ,
На гада больше хочетъ походить.

Еще, еще, косматыя, сѣдыя,
Мохнатыя, жестокія видѣнья,
Измышленныя дьявольской мечтой,
Чтобъ сердце въ достовѣрнѣйшемъ, въ послѣднемъ
Убѣжищѣ, среди цвѣтовъ и листьевъ,
Убить.

Кошмаръ! уходи, я рожденъ, чтобъ ласкать и любить!
Для чаръ безпредѣльныхъ раскрыта душа,
И все, что живетъ, расцвѣтая, спѣша,
Привѣтствую, каждому—хочется быть,
Кѣмъ хочешь, тѣмъ будешь, будь вольнымъ, собой,
Ты черный? будь чернымъ, мой цвѣтъ—голубой,
Мой цвѣтъ будетъ бѣлымъ на вышнихъ горахъ,
Въ вертепахъ я веселъ, я страшенъ впотьмахъ,
Все, все я пріемлю, чтобъ сдѣлаться Всѣмъ,
Я слѣпъ былъ—я вижу, я глухъ былъ и нѣмъ,
Но какъ говорю я—вы знаете, люди,
А что я услышалъ, застывши въ безжалостномъ Чудѣ,
Скажу, но не все, не теперь,
Нѣтъ словъ, нѣтъ размѣровъ, ни знаковъ,
Чтобъ таинство блесковъ и мраковъ
Явить въ полнотѣ, только мигъ—и закроется дверь,
Песчинокъ блестящихъ я нѣсколько брошу,
Желаненъ мнѣ ликъ Человѣка, и боги, растенье, и птица,
и звѣрь,

Но свѣтлую ношу,
Что въ сердцѣ храню,
Я долженъ пока сохранять, я поклялся, я клялся—Огню.

6.

Буря промчалась,
Конченъ кошмаръ.
Солнце есть вѣчный пожаръ,
Въ сердцѣ горячая радость осталась.

Ждите. Я жду.
Если хотите,
Темными будьте, живите въ бреду,
Только не лгите,
Самъ я въ вертепы васъ всѣхъ поведу.

Если хотите,
Мысли сплетайте въ лучистыя нити,
Свѣтлая ткань хороша, хороша,
Только не лгите,
Къ Солнцу идите, коль Солнца воистину хочетъ душа.

Все совершится,
Кругъ неизбѣженъ.
Люди, я нѣженъ,
Сладко забыться.
Пытки я вѣдалъ. О, ждите. Я жду.
Рѣчь отъ Огня я и Духа веду!

7.

Лучи и кровь, цвѣты и краски,
И искры въ пляскѣ вкругъ костровъ—
Слова одной и той же сказки
Разсвѣтовъ, полдней, вечеровъ.

Я съ вами былъ, я съ вами буду,
О, многоликости Огня,
Я умъ зажегъ, отдался Чуду,
Возможно счастье для меня.

Въ темницѣ кузницъ неустанныхъ,
Гдѣ горнъ, и молотъ, жаръ, и чадъ,
Слова напѣвовъ звѣздотканныхъ
Неумолкаемо звучатъ.

Съ Огнемъ неразлучимы дымы,
Но горицвѣтный блескъ углей
Поетъ, что свѣтлы Серафимы
Надъ тѣсной здѣшностью моей.

Есть Духи Пламени въ Незримомъ,
Какъ здѣсь цвѣты есть изъ Огня,
И пусть я самъ развѣюсь дымомъ,
Но пусть Огонь войдетъ въ меня.

Горѣть хотя одно мгновенье,
Свѣтить хоть краткій часъ звѣздой—
Въ томъ радость вѣрнаго забвенья,
Въ томъ праздникъ ярко-молодой.

И если въ Небѣ Солнце властно,
И свѣтлы звѣздные пути,
Все жь искра малая прекрасна,
И можетъ алый цвѣтъ цвѣсти.

Гори, вулканъ, и лейся, лава,
Сіяйте, звѣзды, въ вышинѣ,
Но пусть и здѣсь—да будетъ слава
Тому, кто сжегъ себя въ Огнѣ!

ВОДА.

Влажная пропасть сольется
Съ бездной эѳирныхъ высотъ.
Таинство — Небомъ дается,
Слитность — зеркальностью водъ.

Только Любовь.

Вода.

1.

Вода, стихія сладострастія,
Вода, зеркальность нашихъ думъ,
Бездонность сновъ, безбрежность счастія,
Часовъ бѣгущихъ легкій шумъ.

То недвижимо-безглагольная,
То съ неудержною волной,
Но вѣчно легкая и вольная,
И вѣчно дружная съ Луной.

И съ Солнцемъ творческимъ сліянная,
То—гулъ, то—плескъ, то—блески струй.
Стихія страстная и странная,
Твой голосъ—влажный поцѣлуй.

2.

Отъ капли росы, что трепещетъ, играя
Огнемъ драгоцѣнныхъ камней,
До блѣдныхъ просторовъ, гдѣ, вдаль убѣгая,
Вѣнчается пѣною влага морская
На глади бездонныхъ морей,
Ты всюду, всегда, неизмѣнно-живая,
И то изумрудная, то голубая,
То полная красныхъ и желтыхъ лучей,
Оранжевыхъ, бѣлыхъ, зеленыхъ, и синихъ,
И тѣхъ, что рождаются только въ пустыняхъ,
Въ волненьи и пѣньи безмѣрныхъ зыбей,
Оттѣнковъ, что видны лишь избраннымъ взорамъ,
Дрожаній, сверканій, мельканій, которымъ
Нельзя подыскать отражающихъ словъ,
Хоть въ словѣ бездонность оттѣнковъ блистаетъ,
Хоть въ словѣ красивомъ всегда расцвѣтаетъ
Весна многоцвѣтныхъ цвѣтовъ.

Вода безконечные лики вмѣщаетъ
Въ безмѣрность своей глубины,
Мечтанье на зыбяхъ различныхъ качаетъ,
Молчаньемъ и пѣньемъ душѣ отвѣчаетъ,
Уводитъ сознаніе въ сны.

Богатыми были, богаты и нынѣ
Просторы лазурно-зеленой Пустыни,
Рождающей міръ островной.
И Море — все Море, но въ вольномъ просторѣ
Различно оно въ человѣческомъ взорѣ
Качается грезой-волной.

Въ различныхъ скитаньяхъ,
Въ иныхъ сочетаньяхъ,
Я слышалъ сказанія бурь,
И знаю, есть разность въ мечтаньяхъ.

Я видѣлъ Индійское море, лазурь,
Въ немъ волнъ голубые извивы,
И Красное море, гдѣ ласковъ коралъ,
Гдѣ розовой краскою зыбится валъ,
И Желтое, водныя нивы,
Зеленое море, Персидскій заливъ,
И Черное море гдѣ буенъ приливъ,
И Бѣлое, призракъ красивый.
И всюду я думалъ, что всюду, всегда,
Различно-прекрасна Вода.

3.

Безмолвно она подъ землею таится,
Ей Солнце и Небо, тамъ въ сумракѣ, снится,
И нѣжная къ Солнцу сумѣетъ прорыться,

Пещеры сплотитъ въ города.
Застынетъ, и дремлетъ, надъ горной вершиной,
И дрогнетъ, услышавши возгласъ звѣриный,
Отъ крика проснется, сорвется лавиной,
И вихремъ несется Бѣда.
Беззвучна въ колодцахъ, въ прозрачныхъ озерахъ,
Безгласна во влажныхъ ласкающихъ взорахъ,
Но въ снѣжныхъ узорахъ таится въ ней шорохъ
И звонкое вскрытіе льда.

Превратившись въ снѣга, заключившись въ усладу молчанья,
Разстилаясь застывшей студеной нѣмой пеленой,
Отъ зеленой Луны принимая въ снѣжинки мерцанья,
Въ первозданность Вода возвращается теплой весной.

И играетъ волной,
И бѣжитъ, и поетъ.
И горитъ бѣлизной
Уплывающій ледъ.
Наростаніемъ водъ
Затопляетъ луга.
Все побѣдно возьметъ,
Всѣ зальетъ берега.

Какъ раздольна игра
Водопольной волны.
Но шепнули „Пора!"
Уходящіе сны.

И рѣчной глубины
Установленъ размѣръ.
Всѣ цвѣты зажжены,
Пышенъ праздникъ Весны,
Въ немъ лучи сплетены
Отдаленнѣйшихъ сферъ.

Все приняло свой вѣчный видъ,
Ликъ озера зеркально спитъ,
Безгласно дремлетъ гладь затона.
О безконечности усладъ
Поетъ безсмертный водопадъ,
Ключи бѣгутъ по скатамъ склона.

И рѣкъ причудливый узоръ
Лелѣйной сказкой нѣжитъ взоръ,
Ихъ видъ спокоенъ и беззвученъ,
И тотъ узоръ свѣтло сплетенъ
Въ серебряный, въ хрустальный сонъ,
Среди уклончивыхъ излучинъ.

И безъ конца поютъ ручьи,
И нѣжатъ душу въ забытьи
Воздушно-сладкою тоскою.
Какъ разность ярко здѣсь видна,
Какъ ясно, что Вода—одна:
Ручей различно-схожъ съ рѣкою.
И намъ преданья говорятъ:
Ручей съ рѣкой — сестра и братъ.

Ручей ласкаетъ слухъ, влечетъ насъ въ отдаленье,
Ручей журчитъ, звучитъ, баюкаетъ, поетъ.
Рѣка лелѣетъ глазъ, даетъ успокоенье
Движеньемъ медленнымъ безмолвствующихъ водъ.

Ручей, какъ чаровникъ, дремотно шепчетъ, манитъ,
Ручей гадаетъ намъ, и вкрадчиво зоветъ.
Рѣка нашъ зыбкій духъ яснитъ, а не туманитъ
Успокоительнымъ теченьемъ свѣтлыхъ водъ.

Ручей намъ говоритъ: „Люби! Люби! Люби же!"
Но въ немъ не отраженъ глубокій небосводъ.
Кто въ рѣку заглянулъ, тотъ Небо видитъ ближе,
Лазури хочется безмолвствующихъ водъ.

4.

Но перемѣнная Вода
Быть хочетъ разною всегда,
Восторгъ рождаетъ полногласный.
Къ преображеніямъ бѣжитъ,
Мѣняетъ видъ, и жить спѣшитъ,
Не уставая быть прекрасной.

Вонъ бьется гейзеръ голубой,
Весь очарованный собой,
Съ водою бѣшено-кипящей.

Какъ ослѣпительно-свѣтла
Она выходитъ изъ жерла,
Кругомъ бросая паръ свистящій.

Столбами пляшетъ влажный прахъ,
Несчетность радугъ въ тѣхъ столбахъ,
Паденіе дождей алмазныхъ.
Сліянье свѣтовъ и тѣней,
Переплетеніе огней,
Всегда однихъ и вѣчно разныхъ.

Тамъ дальше море-Океанъ,
Неизмѣримъ и неогляденъ,
На днѣ утесы, пасти впадинъ,
Подводныхъ силъ военный станъ.

Проходятъ быстрыя акулы,
Домамъ подобные киты,
Въ прорывахъ влажной темноты
Спиральные родятся гулы.

Въ круговращеніи своемъ
Чудовищной змѣѣ подобный,
Гудитъ и плещетъ сѣчкой дробной
Воронка адская, Мальстрёмъ.

Совсѣмъ другого Океана
Другія области встаютъ,
Существъ невидимыхъ пріютъ,
Затишье въ кругѣ урагана.

Кораллы межь морскихъ валовъ,
Водой рожденныя картины,
Червеобразныя плотины
Кольцеобразныхъ острововъ.

Людскихъ строеній первотипы
Оазисы пустынь морскихъ,
Не люди создавали ихъ,
А кругодумные полипы.

Имъ свѣта хочется—и вотъ
Ростутъ узорныя сплетенья,
Осуществляются хотѣнья,
Оазисъ круговой живетъ.

Изъ влаги возстаютъ кораллы,
И волны бѣшено кругомъ
Несутся въ строѣ боевомъ,
Какъ викинги въ предѣлъ Валгаллы.

О, да, я знаю, что всегда,
Полна безмѣрныхъ чаръ Вода,
Но понялъ это я не сразу.
Все въ мірѣ нужно различать,
На всемъ лежитъ своя печать,
И аметистъ—не братъ алмазу.

5.

Я помню, въ далекіе дѣтскіе дни
Привидѣлся странный мнѣ сонъ.
Мнѣ снилось, что бѣлые въ Небѣ огни,
И ими нашъ садъ озаренъ.

Сверкаютъ далеко холодные льды,
Струится безжизненный свѣтъ.
Звѣзда отражаетъ сіянье звѣзды,
Сплетаются гроздья планетъ.

Сплетаются тысячи крупныхъ планетъ,
Блестятъ, возростаютъ, ростутъ.
Но въ этомъ сіяньи мнѣ радости нѣтъ,
Цвѣты предо мной не цвѣтутъ.

Ребенку такъ нуженъ расцвѣтъ лепестка, —
Иначе зажжется ли взглядъ.
Но нѣтъ предо мною въ саду ни цвѣтка,
Весь—бѣлый безжизненный садъ.

И сталъ я тихонько молиться въ бреду,
И звѣзды дрожали въ отвѣтъ.
И что-то какъ будто мѣнялось во льду,
И таяли гроздья планетъ.

И, въ свѣтлой по-новому, въ той полумглѣ
Возникли потоки дождя.
Они прикоснулись къ далекой Землѣ,
Съ высокаго Неба идя.

Полъ-міра окуталъ блистающій мостъ,
Въ немъ разные были цвѣта.
Въ немъ не было блѣдности мертвенныхъ звѣздъ,
Живая была красота.

О, чудо! О, радость! Вблизи, предо мной,
Вдругъ ожилъ мой сказочный садъ.
Цвѣты расцвѣтали живой пеленой,
Былъ свѣтелъ младенческій взглядъ.

Раздвинулись полосы ровныхъ аллей,
Свѣтло заигралъ изумрудъ.
Подъ частою чащей зеленыхъ вѣтвей
Цвѣты голубые цвѣтутъ.

Багряныхъ, и алыхъ, и желтыхъ цвѣтовъ
Росла золотая семья.
Ребенку такъ нуженъ расцвѣтъ лепестковъ,
И это такъ чувствовалъ я.

И въ ландышахъ бѣлыхъ, отъ капель дождя,
Иначе зажглась бѣлизна.
И дождь прекратился. И, съ Неба идя,
Струилась лишь музыка сна.

Мы видимъ въ младенчествѣ вѣщіе сны,
Такъ близки мы къ Небу тогда.
И этого сна, и цвѣтовъ пелены,
Не могъ я забыть никогда.

Съ звѣздою, блистая, сплеталась звѣзда,
Тянулась звѣзда до звѣзды.
Я помню, я понялъ впервые тогда
Зиждительность свѣтлой Воды.

6.

Но минули дѣтскіе годы,
Иного хотѣла мечта.
Хоть все же я въ царствѣ Природы
Любилъ и цвѣты и цвѣта.

Блаженно, всегда и повсюду,
Мнѣ чудились рокоты струнъ.
Я шелъ къ неизвѣстному чуду,
Мечтателенъ, нѣженъ, и юнъ.

И ночью плѣнительной Мая,
Да, въ первую четверть Луны,
Мнѣ что-то сверкнуло, мелькая,
И вновь я увѣровалъ въ сны.

Я помню баюканья бала,
Весь ожилъ старинный нашъ домъ.
И музыка сладко звучала
Въ мечтающемъ сердцѣ моемъ.

Улыбки, мельканья, узоры,
Желанныя сердцу черты.
Мгновенно-слiянные взоры,
Цвѣты и мечты Красоты.

Все было вотъ здѣсь, въ настоящемъ,
Въ волнѣ наростающихъ силъ.
Съ желанною, въ залѣ блестящемъ,
Я въ вальсѣ старинномъ скользилъ.

И чудилось мнѣ, что столѣтiй
Надъ нами качался полетъ.
Но мы проносились, какъ дѣти,
И полъ озарялся, какъ ледъ.

И близкое тѣло скользило,
Я нѣжно объятiе длю.
„Ты любишь?“ душа говорила.
Глаза говорили: „Люблю“.

Другъ другу сказали мы взоромъ,
Что тотчасъ мы спустимся въ садъ.
И связаны тѣмъ договоромъ,
Скользили, какъ тѣни скользятъ.

Лишь нѣсколько быстрыхъ мгновенiй,
И мы отошли отъ огней,
Мы въ сумракъ цвѣтущихъ сиреней
Съ знакомыхъ сошли ступеней.

И стройная музыка бала,
И вальса стариннаго звонъ,
Какъ дальняя сказка звучала,
И душу качала, какъ сонъ.

Но ближе другое влiянье
Слагало свой властный напѣвъ.
Всѣ думы сожгло ожиданье,
И сердце блеснуло сгорѣвъ.

Въ саду, въ томъ старинномъ, пустынномъ,
Гдѣ праздникъ цвѣтовъ былъ мнѣ данъ,
Подъ свѣтомъ планетъ паутиннымъ
Журчалъ неумолчно фонтанъ.

О, какъ былъ узывчивъ тотъ сонный
И вѣчно-живой водоемъ,
Онъ полонъ былъ мысли бездонной
Въ журчаньи безсмертномъ своемъ.

Изъ раковинъ звонкихъ сбѣгая,
И влагу въ лобзаньяхъ дробя,
Вода трепетала, сверкая,
Онъ лился въ себя—изъ себя.

И снова, какъ въ дѣтствѣ, свѣтили
Созвѣздья съ нѣмой высоты.
И въ сладостно-дышущей силѣ
Цвѣли многоцвѣтно цвѣты.

Но пряности ихъ аромата
Сказали намъ, съ пѣніемъ водъ,
Что къ прошлому нѣтъ намъ возврата,
Что новое новымъ живетъ.

И пѣли такъ сладко свирѣли
Въ себя убѣгающихъ струй,
Что мы колебаться не смѣли,
И влажный возникъ поцѣлуй.

И радостныхъ звѣздъ чарованье
Свѣтилось такъ странно въ тотъ часъ,
Что влажное это сліянье
Навѣкъ пересоздало насъ.

Я видѣлъ такъ ясно узоры,
Сплетенья, гирлянды планетъ.
И чьи-то безсмертные взоры
Хранили немеркнущій свѣтъ.

Лелѣя цвѣты міровые,
Межъ звѣздъ проходила Весна.
Въ той ночи прозрачной, впервые,
Я понялъ, какъ Влага нѣжна.

7.

Боль, какъ бы ни пришла, приходитъ слишкомъ рано.
Прошли, въ теченьи лѣтъ, еще, еще года.
На шепчущемъ пескѣ ночного Океана
Я въ полночь былъ одинъ, и пѣнилась Вода.

Вставалъ и упадалъ прибой живой пустыни,
Рождала отклики на сушѣ глубина.
Былъ тотъ же Океанъ, отъ вѣка и донынѣ,
Но я не зналъ, о чемъ поетъ его волна.

Въ моемъ сознаніи иныя волны пѣли,
Припоминанія всего, что видѣлъ я.
И чудилась мнѣ мать у дѣтской колыбели,
И чудился мнѣ гробъ, любовь, и смерть моя.

Въ предѣльность точную замкнутыя стремленья,
Паденье, высота, разорванный узоръ.
Все тѣхъ же вѣчныхъ силъ все новыя сцѣпленья,
Моей души ночной качанье и просторъ.

Но за разорванной и многоцвѣтной тканью
Я чувствовалъ мою—иль не мою—мечту.
Въ концѣ концовъ я радъ, всему, я радъ страданью,
Я нити яркія въ живой узоръ плету.

Но мнѣ хотѣлось знать все содержанье смысла.
Куда же я иду? Куда мы всѣ идемъ?
Скажите, звѣзды, мнѣ, вы, замыслы и числа,
Вы, волны вѣчныя, чьихъ влажныхъ ласкъ мы ждемъ!

На Небѣ облака, нѣжнѣй мечтаній лѣтомъ,
Въ холодной ясности ночного Сентября,
Дышали призрачнымъ неуловимымъ свѣтомъ,
Какъ бы сознаніемъ прошедшаго горя.

Отъ водъ вставала мгла волнистаго тумана,
И долго я смотрѣлъ на синій Небосклонъ.
И вотъ въ мои зрачки—отъ зыбей Океана
И отъ высотъ Небесъ—вошелъ безсмертный сонъ.

Такъ глубока Вода, подъ Небомъ безъ предѣла,
Такая тайна въ двухъ живетъ, всегда дыша,
Что можетъ утонуть въ ихъ снахъ не только тѣло,
Но и глубокая всезрящая душа.

Изъ легкой водной мглы и изъ сіяній звѣздныхъ,
Изъ нѣжно-зыбкаго воздушнаго руна,
Межъ двухъ бездонностей, и въ двухъ зеркальныхъ безднахъ,
Возникла призрачно блаженная страна.

Міръ, гдѣ ни мукъ, ни тьмы, ни страха, ни обиды,
Гдѣ всѣ, плетя узоръ, въ узорность сплетены.
Какъ будто города погибшей Атлантиды,
Преображенные, возстали съ глубины.

Домовъ прекраснѣйшихъ возникли миріады,
Среди невиданныхъ фонтановъ и садовъ.
Я зналъ, что въ тѣхъ стѣнахъ всегда лучисты взгляды,
И могутъ все сказать глаза живыхъ—безъ словъ.

Здѣсь каждый новый день былъ сказкой, какъ вчерашній,
Созданій мысленныхъ, дрожа, росли лѣса.
Здѣсь каждый стройный домъ кончался легкой башней,
И все, что на землѣ, всходило въ Небеса.

Весь блѣдный, Океанъ сліялся съ Небосклономъ,
Нѣтъ нежеланнаго, ни въ чемъ, ни гдѣ-нибудь.
Весь Міръ наполнился однимъ воздушнымъ звономъ,
Вселенная была—единый Млечный путь.

И этихъ блѣдныхъ звѣздъ мерцающія рѣки
Сказали молча мнѣ, какой удѣлъ намъ данъ.
И въ тотъ полночный часъ я сталъ инымъ навѣки,
И понялъ я, о чемъ поетъ намъ Океанъ.

ВОЗДУХЪ.

Всюду звонъ, всюду свѣтъ,
Всюду сонъ міровой.
Будемъ какъ Солнце.

И, вѣчно вольный, забвеньемъ вѣю.
Тишина.

Воздухъ.

1.

Вѣтеръ вѣющій донесъ
Вешній духъ вѣтвей.
Кто споетъ о сказкѣ грезъ?
Дразнитъ соловей.

Сказка солнечныхъ лучей,
Свадьба всѣхъ цвѣтовъ.
Кто споетъ о ней звончѣй,
Чѣмъ художникъ словъ!

Многокрасочность цвѣтовъ,
Радуга мечты.
Легкость бѣлыхъ облаковъ,
Тонкія черты.

Въ это царство Красоты,
Сердце, какъ вступить?
Какъ! Еще не знаешь ты?
Путь одинъ:—Любить!

2.

Полюби, сказала Фея
Въ утро майское мечтѣ.
Полюби, шепнулъ, слабѣя,
Легкій Вѣтеръ въ высотѣ.

И отъ яблони цвѣтущей
Нѣжно-бѣлый лепестокъ
Колыхнулся къ мысли ждущей,
И мелькнулъ ей какъ намекъ.

Все кругомъ какъ будто пѣло:—
Утро дней не загуби,
Полюби душою тѣло,
Тѣломъ душу полюби.

Тѣло, душу, духъ свободный
Сочетай въ свой свѣтлый Май.
Обликъ лиліи надводной
Сердцемъ чуткимъ понимай.

Будь какъ лотосъ: корни—снизу,
Въ вязкомъ илѣ, въ тьмѣ, въ водѣ,
Но, взойдя, надѣлъ онъ ризу,
Уподобился звѣздѣ.

Вотъ, цвѣтетъ, раскрылся, нѣжный,
Ласку Солнца жадно пьетъ,
Видитъ Небо, міръ безбрежный,
Воздухъ вкругъ него поетъ.

Сну цвѣтенія послушный,
Лотосъ съ Воздухомъ слился.
Полюби мечтой воздушной,
Близки сердцу Небеса.

3.

Воздухъ и Свѣтъ создаютъ панорамы,
Замки изъ тучъ, минареты, и храмы,
Роскошь невиданныхъ нами столицъ,
Взоры мгновеніемъ созданныхъ лицъ.

Все, что непрочно, что зыбко, мгновенно,
Что красотою своей незабвенно,
Слово безъ слова, признанія глазъ
Чарами Воздуха вложены въ насъ.

Чарами Воздуха буйствуютъ громы
Послѣ удушливо-знойной истомы,
Радуга свой воздвигаетъ дворецъ,
Арка завѣта и сказка сердецъ.

Воздухъ прекрасенъ какъ гулъ урагана,
Рокотъ небесно-военнаго стана,
Воздухъ прекрасенъ въ шуршаньи листка,
Въ ряби чуть видимой струй ручейка.

4.

Въ серебристыхъ пузырькахъ
Онъ скрывается въ рѣкахъ,
Тамъ, на днѣ,
Въ глубинѣ,
Подъ водою въ тростникахъ.

Ихъ лягушка колыхнетъ,
Или окунь промелькнетъ,
Глазъ да глазъ,
Тутъ сейчасъ
Наступаетъ ихъ чередъ.

Пузырьки изъ серебра
Вдругъ поймутъ, что—ихъ пора,
Буль—буль—буль,
Каждый—нуль,
Но на мигъ живетъ игра.

5.

А вѣять, млѣять, и лелѣять
Едва расцвѣтшіе цвѣтки,
Въ пространствѣ свѣтломъ нѣжно сѣять
Ихъ пыль, ихъ страсть, и лепестки.

И сонно, близко, отдаленно
Струной чуть слышною звенѣть,
Пожить мгновеніе влюбленно,
И незамѣтно умереть.

Отдѣлить чуть замѣтную прядь
Въ золотистомъ богатствѣ волосъ,
И играть ей, ласкать, и играть,
Чтобы Солнце въ ней ярко зажглось,—
Чтобъ глаза, не узнавши о томъ,
Засвѣтились, расширивъ зрачокъ,
Потому что плѣнительнымъ сномъ
Овѣваетъ мечту вѣтерокъ,—
И, внезапно усиливъ себя,
Пронестись и примчать ароматъ,
Чтобы дрогнуло сердце, любя,
И зажегся влюбленностью взглядъ,—
Чтобы ту золотистую прядь
Кто-то радостный вдругъ увидалъ,
И скорѣе бы сталъ цѣловать,
И душою бы весь трепеталъ.

6.

Воздухъ, Вѣтеръ, я ликую,
Я свершаю твой завѣтъ,
Жизнь лелѣя молодую,
Всѣмъ сердцамъ даю свой свѣтъ.
Вѣтеръ, Воздухъ, я ликую!

Но скажи мнѣ, Воздухъ, ты
Вѣдь лелѣешь всѣ цвѣты?

Ты—ихъ жизнь, и я колдую.
Я провѣдалъ: Воздухъ нашъ,
Какъ душа цвѣточныхъ чашъ,
Знаетъ тайну міровую!

7.

Нашъ Воздухъ только часть безбрежнаго Эѳира,
Въ которомъ носятся безсмертные міры.
Онъ круговой шатеръ, покровъ земного міра,
Гдѣ Духи Времени сбираются для пира,
И ткутъ калейдоскопъ сверкающей игры.

Равнины, пропасти, высоты, и обрывы,
По чьей поверхности проходятъ облака,
Многообразія живые переливы,
Руна завѣтнаго скользящіе извивы,
Вслѣдъ за которыми мечта плыветъ вѣка.

Въ долинахъ Воздуха есть призраки-травинки,
Взростаютъ-таютъ въ немъ, въ единый мигъ, цвѣты,
Какъ пчелы, кружатся въ немъ бѣлыя снѣжинки,
Путями фейными проходятъ паутинки,
И водопадъ лучей струится съ высоты.

Несутся съ бѣшенствомъ свирѣпые циклоны,
Разгульной вольницей ликуетъ взрывъ громовъ,
И въ неурочный часъ гудятъ на башняхъ звоны,
Но послѣ быстрыхъ грозъ такъ изумрудны склоны
Подъ дѣтскимъ лепетомъ апрѣльскихъ вѣтерковъ.

Чертогомъ радости и міровыхъ сліяній
Сверкаетъ радуга изъ тысячи тоновъ,
И въ душахъ временныхъ тотъ праздникъ обаяній
Намекомъ говоритъ, что въ тысячахъ вліяній
Побѣдно царствуютъ лишь семь первооcновъ.

Отъ предразсвѣтной мглы до яркаго заката,
Отъ бѣлизны снѣговъ до кактусовъ и розъ,
Пространство Воздуха ликующе-богато
Напѣвомъ красочнымъ, гипнозомъ аромата,
Многосліянностью, въ которой все сошлось.

Когда подъ шелесты влюбляющаго Мая
Бѣлѣютъ ландыши и свѣтитъ углемъ макъ,
Волна цвѣточныхъ душъ проносится, мечтая,
И Воздухъ, пьяностью два пола сочетая,
Велитъ имъ вмѣстѣ быть—нѣжнѣй, тѣснѣй, вотъ такъ.

Онъ измѣняется, переливаетъ краски,
Перебираетъ ихъ, въ игрѣ неистощимъ,
И незабудки спятъ, какъ глазки дѣтской сказки,
И арумъ яростенъ, какъ кровь и крикъ развязки,
И Жизнь идетъ, зоветъ, и все плыветъ, какъ дымъ.

Въ Іюльскихъ Празднествахъ, когда жнецы и жницы
Даютъ безумствовать сверканіямъ серпа,
Тревожны въ Воздухѣ передъ отлетомъ птицы,
И говорятъ въ ночахъ одна съ другой зарницы
Надъ страннымъ знаменьемъ тяжелаго снопа.

Сжигаютъ молніи—но неустанны руки,
Сгораютъ зданія—но вновь мечта ростетъ,
Кривою линіей стенаній ходятъ муки,
Но тонутъ въ Воздухѣ всѣ возгласы, всѣ звуки,
И снова—первый день, и снова—начатъ счетъ.

Всего таинственнѣй незримость параллелей,
Передаваемость, сны въ снахъ—и снова сны,
Духъ невещественный вещественныхъ веселій,
Отвѣтность марева, въ душѣ—напѣвъ свирѣлей,
Отображенья странъ и звуковой волны.

Въ душѣ ли грезящихъ, гдѣ встала мысль впервые,
Иль въ кругозорностяхъ, гдѣ склепъ Небесъ такъ синь,
Въ прекрасной разности, они всегда живыя,
Созданья Воздуха, тѣ волны звуковыя,
И краски зыбкія, и тайный храмъ святынь.

О, Воздухъ жизненный! Прозрачность круговая!
Онъ долженъ вольнымъ быть. Когда жь его замкнутъ,
Въ немъ дышетъ скрытый гнѣвъ, встаетъ отрава злая,
И, тяжесть мертвую на душу налагая,
Кошмары цѣпкіе невидимо ростутъ.

Но хоть великъ шатеръ любого полуміра,
Хранилище-покровъ двухъ нашихъ полусферъ,
Нашъ Воздухъ лишь намекъ на пропасти Эѳира,
Гдѣ неразсказанность совсѣмъ иного міра,
Неполовиннаго, внѣ горъ и внѣ пещеръ.

О, свѣтоносное великое Пространство,
Гдѣ мысли чудится всходящая стезя,
Всегда одѣтая въ созвѣздныя убранства,—
Въ тебѣ міровъ и сновъ бездонно постоянство,
Никѣмъ не считанныхъ, и ихъ считать нельзя.

Начало и конецъ всѣхъ мысленныхъ явленій,
Воздушный Океанъ эѳирныхъ синихъ водъ,
Ты Солнце намъ даешь надъ сумракомъ томленій,
И красные цвѣты въ пожарахъ преступленій,
И въ зеркалѣ морей повторный Небосводъ.

ЗЕМЛЯ.

Цвѣтъ расцвѣтшей жизни, нѣжный
изумрудъ.

Горящія Зданія.

Звѣзда, на которой сквозь Небо
мерцаетъ трава.

Фата Моргана.

Земля.

1.

Земля, я неземной, но я съ тобою скованъ,
На много долгихъ дней, на бездну быстрыхъ лѣтъ.
Зеленый твой просторъ мечтою облюбованъ,
Земною красотой я сладко заколдованъ,
Ты мнѣ позволила, чтобъ жилъ я какъ Поэтъ.

Межъ тысячи умовъ мой мозгъ образовала
Въ такихъ причудливыхъ сплетеньяхъ и узлахъ,
Что все мнѣ хочется, „Еще“ твержу я, „Мало“,
И пытку я люблю, какъ упоенье бала,
Я быстрый альбатросъ въ безбрежныхъ облакахъ.

Не страшны смѣлому безмѣрныя усилья,
Шутя перелечу я изъ страны въ страну,
Но въ томъ весь ужасъ мой, что, если эти крылья
Во влагѣ омочу, исполненный безсилья,—
Воздушный, неземной, я въ Морѣ утону.

Я долженъ издали глядѣть на эти воды,
Въ которыхъ жадный клювъ добычу можетъ взять,
Я долженъ надъ Землей летать не дни, а годы,
Но я блаженствую, я лучшій сонъ Природы,
Хоть какъ я мучаюсь—мнѣ некому сказать.

И рыбы блѣдныя, нѣмыя черепахи,
Быть можетъ, знаютъ міръ, безвѣстный для меня,
Но мнѣ такъ радостно застыть въ воздушномъ взмахѣ,
Въ ненасытимости, въ поспѣшности, и страхѣ,
Надъ пропастью ночей, и надъ проваломъ дня.

Земля зеленая, я твой, но я воздушный,
Сама велѣла ты, чтобъ здѣсь я былъ такимъ,
Ты въ пропастяхъ летишь, и я лечу, послушный,
Я страшенъ, какъ и ты, я чуткій и бездушный,
Хотя я весь—душа, и мнѣ не быть другимъ.

Зеленая звѣзда, планета изумруда,
Я такъ въ тебѣ люблю безжалостность твою,
Ты не игрушка, нѣтъ, ты ужасъ, блескъ, и чудо,
И ты спѣшишь—туда, хотя идешь—оттуда,
И я тебя люблю, и я тебя пою.

Въ раскинутой твоей роскошной панорамѣ,
Въ твоей, нестынущей и въ декабряхъ, Веснѣ,
Въ вертепѣ, въ мастерской, въ тюрьмѣ, въ семьѣ,
и въ храмѣ,
Мнѣ вѣчно чудится картина въ дивной рамѣ,
Я съ нею, въ ней, и внѣ, и этотъ сонъ—во мнѣ.

Сказалъ, и болѣе я повторять не стану,
Быть можетъ, повторю, я властенъ повторить:—
Я предалъ жизнь мою лучистому обману,
Я въ безднахъ міровыхъ нашелъ свою Свѣтлану,
И для нея кручу блистающую нить.

Моя любовь—Земля, я съ ней сплетенъ—для пира,
Легенду мы поемъ изъ звуковыхъ примѣтъ.
Въ кошмарныхъ звѣздностяхъ, въ безмѣрныхъ безднахъ
Міра,
Въ алмазной плотности безсмертнаго Эѳира—
Сонъ Жизни, Изумрудъ, Весна, Зеленый Свѣтъ!

2.

Странный міръ противорѣчья,
Каждый атомъ здѣсь иной,
Беззавѣтность, безсердечье,
Лютый холодъ, свѣтъ съ весной.

Каждый мигъ и каждый атомъ
Ищутъ счастія вездѣ,
Другъ за другомъ, братъ за братомъ,
Молятъ, жаждутъ: „Гдѣ же? Гдѣ?“

Каждый мигъ и каждый атомъ
Вдругъ съ себя свергаютъ грусть,
Любятъ, дышутъ ароматомъ,
Шепчутъ: „Гибнемъ? Что же! Пусть!“

И мечтають, расцвѣтають,
Нѣть предѣла ихъ мечтѣ.
И внезапно пропадають,
Вдругъ исчезнуть въ пустотѣ.

О, безпутница, весталка,
О, небесность, о, Земля!
Какъ тебѣ себя не жалко?
Кровью дышуть всѣ поля.

Кровью дышуть розы, маки,
И дневныя двѣ зари.
Вѣчно слышенъ стонъ во мракѣ: —
„Въ гробѣ тѣсно! Отвори!“

„Помогите! Помогите!“—
Что за странный тамъ мертвецъ?
Взялъ я нити, сплелъ я нити,
Рву я нити, есть конецъ.

Если вѣчно видѣть то же,
Кто захочеть видѣть сонъ?
Тѣмъ онъ лучше, тѣмъ дороже,
Что мгновенно зыбокъ онъ.

Ярки маки, маки съ кровью,
Ярки розы, въ розахъ кровь.
Льни безстрашно къ изголовью,
Спи смертельно, встанешь вновь.

Для тебя же—мракъ забвенья,
Смерти прочная печать,
Чтобы въ зеркалѣ мгновенья
Ты красивымъ былъ опять.

Люди, травы, камни, звѣри,
Духи высшіе, что здѣсь,
Хоть въ незримой, въ близкой сферѣ,—
Міръ земной прекрасенъ весь.

Люди блѣдные, и травы,
Камни, звѣри, и цвѣты,
Всѣ въ своемъ явленьи правы,
Всѣ живуть для Красоты.

Всѣ въ великомъ сложномъ Чудѣ —
И творенье, и творцы,
Служатъ страсти звѣри, люди,
Жизнь идетъ во всѣ концы.

Всюду звѣри, травы, камни,
Люди, люди, яркій сонъ.
Нѣтъ, не будетъ никогда мнѣ
Жаль, что въ Мірѣ я рожденъ!

Всѣ вражды, и всѣ нарѣчья—
Буквы свитка моего.
Я люблю противорѣчье,—
Какъ сверкнуть мнѣ безъ него?

3.

Небо—сверху, Небо—снизу,
Небо хочетъ быть двойнымъ.
Я люблю святую ризу,
Я люблю огонь и дымъ.

Небо каждое мгновенье
На Землѣ и вкругъ Земли.
Близокъ праздникъ просвѣтленья,
Пусть онъ мнится намъ вдали.

Небо такъ же вѣчно съ нами,
Какъ доступная Земля.
Здѣсь мы слиты съ облаками.
Въ Небѣ—здѣшнія поля.

Звѣзды вѣчно съ нами слиты,
Хоть небесный сводъ вдали.
Звѣзднымъ свѣтомъ перевиты
Всѣ мечтанія Земли.

4.

Мѣрно, размѣрно земное страданіе,
Хоть безпримѣрно по виду оно.
Вижу я въ зеркалѣ сновъ и мечтанія,
Вижу глубокое дно.

Вѣчно есть вечеръ, съ нимъ свѣтъ обаянья,
Въ новомъ явленьи мечты и огни.
Въ тихіе лѣтніе дни
Слышится въ воздухѣ тепломъ жужжанье,
Гулъ голосовъ,
Звонъ и гудѣнье, какъ будто бы пѣнье
Тысячъ, о, нѣтъ, миріадъ комаровъ.
Нѣтъ ихъ межъ тѣмъ въ глубинѣ отдаленья,
Нѣтъ и вблизи. Это сонъ? Навожденье?
Это—поднятье воздушныхъ столбовъ.
Полосы воздуха вверхъ убѣгаютъ,
Полосы воздуха нѣжно сверкаютъ,
И непрерывность гудѣнья слагаютъ,
Улей воздушный въ садахъ облаковъ.

Мука долга, но короче, короче,—
Души предчувствуютъ лучшіе дни.
Въ свѣтлыя зимнія ночи
Въ Небо взгляни.
Видишь созвѣздья, и ихъ постоянства?
Видишь ты эту бездонность пространства?
Въ этихъ моряхъ есть свои жемчуга.
Души тамъ носятся въ пляскахъ навѣки,
Вихри тамъ просятся въ звѣздныя рѣки,
Всплески созвѣздныя бьютъ въ берега.
Чу, лишь сознанію внятныя струны,
Съ солнцами солнца, и съ лунами луны,
Моря планетнаго мчатся буруны,

Твердость Эѳира лучами сверля,—
Марсы, Венеры, Вулканы, Нептуны,
Вотъ! между ними—Земля!
Гдѣ же всѣ люди? Ихъ нѣтъ. Все пустынно.
Все такъ духовно, согласно, причинно,
Нѣтъ человѣковъ нигдѣ.
Только твоя геніальность сознанья,
Сердца бездоннаго съ сердцемъ сліянье,
Звѣзднаго моря во внѣ изліянье,
Пѣсня звѣзды къ отдаленной звѣздѣ.
Полосы, полосы вѣчнаго Свѣта,
Радостной тайною Небо одѣто,—
Близко такъ стало, что было вдали.
Непостижимо-прекрасное чудо:—
Мчимся туда мы, ниспавши оттуда,
Въ глыбахъ безцвѣтныхъ—восторгъ изумруда,
Майская сказка Земли.

5.

Въ зеленомъ и бѣломъ туманѣ,
И въ дымкѣ свѣтло-голубой,
Земля въ міровомъ караванѣ
Проходитъ, любуясь собой.

Растенья земныя качаетъ,
Поитъ опьяненьемъ цвѣты.
И Ночь міровая вѣнчаетъ
Невѣсту небесной мечты.

Сплетаетъ въ союзѣ небесномъ
То съ Солнцемъ ее, то съ Луной,
Съ Венерой въ содружествѣ тѣсномъ,
Съ вечерней своей тишиной.

Всѣхъ любитъ Земля молодая,
Ей разныхъ такъ сладко любить,
Различностью свѣтовъ блистая,
Стожизненнымъ можешь ты быть.

И вотъ половиною шара,
Въ которомъ Огонь безъ конца,
Въ горѣньи дневного пожара
Земля опьяняетъ сердца.

И въ это же самое время
Другой половиной своей
Чаруетъ влюбленное племя
Внушеньями лунныхъ лучей.

И странно-желанно сліянье
Съ Землею двухъ свѣточей въ Три.
Люби, говоритъ обаянье,
Бери—мы съ тобою цари.

Качаетъ насъ Вѣчность, качаетъ,
Пьянѣютъ земные цвѣты.
И Полночь, и День отвѣчаетъ
Невѣстѣ небесной мечты.

6.

Земля, ты такъ любви достойна, за то что ты всегда иная,
Какъ убѣдительно и стройно все въ глуби глазъ, вся
жизнь земная.
Поля, луга, долины, степи, равнины, горы, и лѣса,
Болота, преріи, мареммы, пустыни, Море, Небеса.
Улыбки, шопоты, и ласки, шуршанье, шелестъ, шорохъ,
травы,
Хребты безмѣрныхъ горъ во мракѣ, какъ исполинскіе
удавы,
Кошмарность ходовъ подъ землею, разсѣлинъ, впадинъ,
и пещеръ,
И храмы въ страшныхъ подземельяхъ, чей страненъ
сказочный размѣръ.
Дремотный блескъ зарытыхъ кладовъ, цѣлебный ключъ
въ тюрьмѣ гранита,
И слитковъ золота сокрытость, что будетъ смѣлыми
отрыта,
Паденье въ пропасть, въ мракъ и ужасъ, въ рудникъ,
гдѣ рабъ—какъ властелинъ,
И горло горнаго потока, и рядъ овраговъ межъ стремнинъ.
Въ глубокихъ безднахъ Океана — дворцы погибшей
Атлантиды,
За сномъ потопа — вновь подъ Солнцемъ — ковчегъ
Атлантовъ, Пирамиды,
Землетрясенія, ужасность — тайфуна, взрытости зыбей,
Успокоительная ясность вчера лишь вспаханныхъ полей.

7.

Земля научаетъ глядѣть—глубоко, глубоко.
Тѣлесные дремлютъ глаза, незримое свѣтится око.
Пугаясь, глядитъ
На тайну земную.
Земля между тѣмъ говоритъ:—
Ликуй—я ликую.
Гляди предъ собой,
Есть голосъ въ веселомъ сегодня, какъ голосъ есть въ
темномъ вчера.
Подпочва во впадинѣ озера—глина, рухлякъ, перегной,
Но это поверхностный слой:—
Тамъ дно, а надъ дномъ глубина, а надъ глубью волна
за волной.
И зыбится вѣчно игра
Хрусталя, бриллiантовъ, сафира, жемчуговъ, янтарей,
серебра,
Порождаемыхъ Воздухомъ, Солнцемъ, и Луной,
и Землей, и Водой.
Слушай! Пора!
Будь—молодой!
Все на Землѣ — въ перемѣнахъ, слагай же черту за
чертой.
Мысли сверкаютъ,
Память жива,
Звучны слова.
Дни убѣгаютъ,—
Есть острова.

Глубочайшія впадины синихъ морей
Неизмѣнно вблизи острововъ залегаютъ.
Будь душою своей—
Какъ они,
Тѣ, что двойственность въ слитность слагаютъ,
Ночи и дни,
Мракъ и огни.
Мысли сверкаютъ,
Память жива.
Не позабудь острова.
Въ дикой пустынѣ, надъ пропастью водъ,
Нѣжный оазисъ цвѣтетъ и цвѣтетъ.
Сномъ золотымъ
Нѣжитъ игра.
Нынче—какъ дымъ—
Станетъ вчера.
Духомъ святымъ,
Будь молодымъ.
Время! Скорѣе! Пора!

8.

Слышу я, слышу твой голосъ, Земля молодая,
Слышно и видно мнѣ все: я—какъ ты.
Слышу, какъ дышутъ ночные цвѣты,
Вижу, какъ травка дрожитъ, расцвѣтая.
Только мнѣ страшно какой-то внезапной въ душѣ пустоты.
Что же мнѣ въ томъ, что возникнутъ черты?
То, что люблю я, бѣжитъ, пропадая.

Звученъ твой голосъ, Земля молодая,
Ты многоцвѣтна навѣкъ.
Вижу я цвѣтъ твой и тайные взоры,
Слышу я стройные струнные хоры,
Голосъ подземныхъ и солнечныхъ рѣкъ,—
Только мнѣ страшно, что рвутся узоры,
Страшно, Земля, мнѣ, вѣдь я Человѣкъ.
Что жь мнѣ озера, и Море, и горы?
Вѣчно ли буду съ одною мечтой!
Юноша страшенъ, когда онъ сѣдой.

9.

Явственно съ горнаго склона я
Вижу, что ты
Не только зеленая.
Въ пурпуръ такъ часто ты любишь рядить
Нѣжность своей красоты,
Красную въ ткани проводишь ты нить.
Ты предстаешь мнѣ какъ темная, жадная,
И неоглядная,
Страшно-огромная, съ этими взрывами скрытыхъ огней,
Вся еще только—намекъ и рожденіе,
Вся—заблужденіе
Быстрыхъ людей и звѣрей,
Вся еще—алчность и крики незнанія,
Непониманіе,
Бѣшенство дней и безумство ночей,

Только сгораніе, только канунъ просвѣтленія,
Еле намѣченный стихъ пѣснопѣнія
Блесковъ святыхъ откровенія,
Съ царствомъ такого блаженства, гдѣ стонъ не раздастся ничей.

10.

Да, я помню, да, я знаю запахъ пороха и дыма,
Да, я видѣлъ слишкомъ ясно: — Смерть какъ Жизнь непобѣдима.
Вотъ, столкнулась груда съ грудой, туча съ тучей саранчи,
Отвратительное чудо, ослѣпительны мечи.
Человѣкъ на человѣка, ужасъ бѣшеной погони,
Почва взрыта, стукъ копыта, мчатся люди, мчатся кони,
И подъ тяжестью орудій, и подъ яростью копытъ,
Звукъ хрустѣнья, дышутъ люди, счастливъ, кто совсѣмъ убитъ.
Запахъ пороха и крови, запахъ пушечнаго мяса,
Изуродованныхъ мертвыхъ сумасшедшая гримаса.
Новой жертвой возникаютъ для чудовищныхъ бойницъ
Вереницы пыльныхъ, грязныхъ, безобразныхъ, потныхъ лицъ.
О, конечно, есть отрада въ этомъ страхѣ, въ этомъ зноѣ:—
Благородство безразсудныхъ, въ смерти свѣтлые герои.

Но за ними, въ душномъ дымѣ, палъ за темнымъ рядомъ рядъ
Противъ воли въ этой бойнѣ умирающихъ солдатъ.
Добиванье недобитыхъ, разстрѣлянье дезертира,—
На такой меня зовешь ты праздникъ радостнаго пира?
О, Земля, я слышу стоны оскверненныхъ дѣвъ и женъ,
Побѣжденъ мой врагъ заклятый, но побѣдой Я сраженъ.

11.

Помню, помню—и другое. Ночь. Неаполь. Сонъ счастливый.
Какъ же все перемѣнилось? Люди стали смертной нивой.
Отвратительно-красивый отблескъ лавы клокоталъ,
Точно чѣмъ-то былъ поддѣланъ между этихъ черныхъ скалъ.
Въ страшной жидкости кипѣла точно чуждая прикраса,
Какъ разорванное тѣло, какъ растерзанное мясо.
Точно пинія вздымался расползающійся паръ,
Накоплялся и вэметался ужасающій пожаръ.
Красный, сѣрый, темно-сѣрый, бѣлый паръ, а снизу лава,—
Такъ чудовищный Везувій забавлялся величаво.
Изверженье, изверженье, въ самомъ словѣ ужасъ есть,
Въ немъ уродливость намековъ, всѣхъ оттѣнковъ намъ не счесть.

Въ немъ размахъ, и пьяность, рьяность огневого водопада,
Убѣдительность потока, отвратительность распада.
Тамъ въ одной спаленной грудѣ—звѣри, люди, и дома,
Пепелъ, болѣе губящій, чѣмъ Азійская чума.
Свѣтъ искусства, слово мысли, губы въ первомъ поцѣлуѣ,
Замели, сожгли, застигли лавно-пепельныя струи.
Ненасытнаго удава звенья сжали цѣлый міръ,
Здѣсь хозяинъ пьяный — Лава, будутъ помнить этотъ пиръ.

12.

Что же, что тамъ шелеститъ?
Точно шорохъ тихихъ водъ.
Что тамъ грезитъ, спитъ не спитъ,
Наростаетъ, и поетъ?

Безглагольность. Тишина.
Міръ полноченъ. Все молчитъ.
Чья же тамъ душа слышна?
Что такъ жизненно звучитъ?

Голосъ вѣчно-молодой,
Хоть почти-почти безъ словъ.
Но прекрасный, но святой,
Какъ основа всѣхъ основъ.

Перекатная волна.
Но не Море. Глубоко
Дышетъ жизнь иного сна.
Подъ Луной ей такъ легко.

Это нива. Ночь глядитъ.
Ласковъ звѣздный этотъ взглядъ.
Нѣжный колосъ шелеститъ.
Всѣ колосья шелестятъ.

Отгибаются, поютъ,
Наклоняются ко сну.
Соки жизни. Вѣчный трудъ.
Кротко льнетъ зерно къ зерну.

Что тамъ дальше? Цѣлый строй
Неживыхъ—живыхъ стволовъ.
Гроздья ягодъ надъ землей,
Вновь основа всѣхъ основъ.

На тычинкахъ небольшихъ
Затаенная гроза,
Звонкій смѣхъ и звонкій стихъ,
Мигъ забвенія, лоза.

Радость свѣтлая лица,
Звѣзды ласково глядятъ.
Зрѣетъ, спѣетъ безъ конца
Желтый, красный виноградъ.

Эти ягоды сорвутъ,
Разомнутъ ихъ, выжмутъ кровь.
Веселъ трудъ. Сердца поютъ.
Въ жизни вновь живетъ Любовь.

О, побѣдное Зерно,
Гроздья ягодъ Бытія!
Будетъ бѣлое вино,
Будетъ красная струя!

Протечетъ за годомъ годъ,
Жизнь не можетъ не спѣшить.
Только колосъ не пройдетъ,
Только гроздья будутъ жить.

Не окончатся мечты,
Всѣмъ засвѣтится Весна!
Литургія Красоты
Есть, была, и быть должна!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книги К. Д. Бальмонта.

Собраніе стиховъ. Т. 1-й.

Подъ Сѣвернымъ небомъ.
Въ Безбрежности.
Тишина.

Собраніе стиховъ. Т. 2-й.

Горящія Зданія.
Будемъ какъ Солнце.

Только Любовь.
Литургія Красоты.
Горныя Вершины.

ГОТОВИТСЯ:

Театръ Юности и Красоты.